

А. С. ПУШКИН

Публикация А. Д. Соймонова

Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова

Имя первого поэта России уже давно встречается в научной литературе, посвященной русской народной песне. Пушкину всегда были близки художественные образы и интонации песенной поэзии народа; песня являлась одним из элементов его творчества и вместе с тем интересовала его как исследователя и собирателя фольклора. Важнейшим этапом работы Пушкина над фольклором можно считать подготовку им «Собрания русских песен», о котором, однако, очень немного известно в науке.

Наиболее ранние сведения о фольклорных записях Пушкина были собраны первыми биографами поэта, располагавшими его литературным наследием и свидетельствами современников. П. И. Бартев привел среди своих материалов воспоминания Киреевского о встречах с Пушкиным, во время которых велись беседы о русских народных песнях¹. Ценнейшие данные, относящиеся к фольклористической деятельности Пушкина, сообщил П. В. Анненков. Располагая рукописями поэта, в том числе некоторыми его фольклорными записями, Анненков впервые указал на научный характер этнографических занятий Пушкина и собрания им произведений устной словесности. Основываясь на имевшихся в его распоряжении материалах и свидетельствах современников, он писал: «Если не ошибаемся, начало предприятия П. В. Киреевского должно отнести к 1830 году. Пушкин в это время уже владел значительным количеством памятников народного языка, добытых собственным трудом»². Этот совершенно правильный вывод не получил, однако, достаточного подтверждения в изданиях Анненкова. В собрании сочинений Пушкина он опубликовал лишь одну записанную поэтом песню и только много лет спустя, в 1881 г., еще несколько текстов³. Но, вернувшись к этой проблеме в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху», Анненков опять заострил внимание на научном характере пушкинских занятий фольклором. Он подчеркивал, что нельзя объяснять интерес поэта к народной словесности влиянием на него Арины Родионовны. «Это одно из недоразумений, — писал он, — которые отходят в область „биографических предрассудков“ (...) тут были указатели другого рода и порядка»⁴.

Доводы Анненкова были правильны и получили развитие в современной науке. Но нельзя не отметить, что, преодолев один «биографический предрассудок», Анненков способствовал распространению другого предрассудка, а именно поисков зарождения фольклоризма Пушкина в западноевропейской науке и литературе. Стремясь обосновать свою мысль, Анненков утверждал, что пробуждение глубокого интереса Пушкина к народной поэзии было связано с его увлечением драматургией Шекспира.

Для либерально настроенного исследователя, выступавшего против теории официальной народности, такой взгляд был понятен. В период становления пушкинского реализма обращение поэта к творчеству Шекспира, так же как и к отечественному фольклору, было закономерным. Но причину этого следовало искать в эволюции его творческого метода, но отнюдь не в тех или иных влияниях, что имело второстепенное значение. Между тем изучение истоков фольклоризма Пушкина ограничи-

валось зачастую поисками таких влияний. В результате связь Пушкина с отечественной наукой о фольклоре оставалась нераскрытой, а его разнообразные занятия народной поэзией, в частности собиранием народных песен, не изученными. В этом, понятно, повинен не столько Анненков, сколько общее направление в изучении фольклоризма Пушкина, в том числе и среди прогрессивно настроенных ученых прошлого. Стремясь провести резкую грань между фольклоризмом Пушкина и теорией официальной народности, а также славянофилами, исследователи фактически оставили в стороне вопрос об участии Пушкина в Собрании народных песен Киреевского. Этим в значительной степени объясняется, что в течение более полувека никто не интересовался судьбой пушкинского собрания песен, переданного им Киреевскому, несмотря на свидетельства самого Киреевского, П. И. Бартенева, Ф. И. Буслаева и других лиц⁵. После смерти Киреевского все его материалы попали в руки П. А. Бессонова, проявившего полное безразличие к фольклорным материалам, собранным Пушкиным, равно как и к записям А. В. Кольцова, которые также публикуются в настоящем томе. Но если коллекция песен Кольцова сохранилась, и даже в автографах поэта, то иная участь постигла записи Пушкина.

Впервые разысканием в архиве Киреевского песен, записанных Пушкиным, занялись только в конце XIX в. в связи с подготовкой празднования столетия со дня рождения поэта. Пушкинский юбилей 1899 г. проходил в обстановке революционного подъема и напряженной общественно-политической борьбы. В этих условиях большое значение приобретало освещение проблемы народности в творчестве Пушкина. Среди исследований, касающихся этой проблемы, прямое отношение к изучению фольклорных записей Пушкина имеет работа В. Ф. Миллера «Пушкин как поэт-этнограф». В этой работе впервые сделана попытка рассмотреть фольклоризм Пушкина на широком фоне литературной жизни его времени. В приложении Миллер опубликовал одиннадцать неизвестных ранее записей Пушкина из Собрания Киреевского⁶. Миллер первый среди фольклористов обратился к архиву Киреевского. В разысканиях Миллеру помогли его ученик А. В. Марков и библиотекарь Румянцевского музея С. О. Долгов, которым была обнаружена одна песня («Не белинька березанька к земле клонится») в автографе поэта.

Разыскания песен, записанных Пушкиным, и сопоставление их с народной песенной традицией определили на ближайшие годы направление и характер изучения пушкинских записей в фольклористике. Наиболее значительным этапом этого изучения явилось издание «Новой серии» песен, собранных Киреевским, начатое в 1911 г. под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. В «Новую серию» вошли почти все сохранившиеся в архиве Киреевского копии пушкинских записей, они же публиковались и отдельно Н. О. Лернером и редактором издания Сперанским⁷.

После разыскания Миллера пушкинскими материалами из архива Киреевского заинтересовалась комиссия по изданию сочинений Пушкина при Отделении языка и литературы Академии наук. Все новые материалы Пушкинская комиссия публиковала в своих изданиях⁸. Но, несмотря на самые тщательные поиски, автографы Пушкина в архиве Киреевского не были обнаружены. Все песни, найденные у Киреевского, за исключением одного текста, сохранились в копиях. Последняя известная находка автографа Пушкина (песня «Как у нас было на улице») поступила в Румянцевский музей в 1880-х годах, но появилась в печати лишь в предреволюционные годы благодаря публикации М. А. Цявловского.

По мере отыскания оригиналов и копий они тщательно изучались и должны были войти в академическое издание сочинений Пушкина. Но том, в котором их предполагалось поместить, не вышел, и наиболее полно пушкинские записи народных песен были представлены в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Им сопутствовала обстоятельная и интересная по материалу статья Н. Н. Трубецкая, который также занимался разысканием пушкинских записей. Этим изданием и серией названных выше статей завершается изучение фольклорного наследия Пушкина в дореволюционной науке. Вопрос о собрании народных песен Пушкина тогда не мог быть еще поставлен. Недостаточно ясными оставались отношения его с Киреевским. Основные усилия были направлены на разыскание фольклорных записей.

А. С. ПУШКИН

Портрет маслом работы В. А. Тропинина, 1827

Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

Этот портрет был подарен Пушкиным С. А. Соболевскому, который, уезжая за границу (1828), оставил его у Киреевских — Елагиных; длительное время портрет висел в их московском доме.

С новых методологических позиций подошли к этим проблемам советские ученые. Преодолевая узкий биографизм, поиски «источников» и «заимствований», они значительно расширили и углубили изучение народности творчества поэта. Стало очевидным, что обращение Пушкина к фольклору было не просто увлечением, вызванным теми или иными приводящими обстоятельствами, но составляло необходимый элемент его творческого метода. Отсюда возникла настоятельная необходимость обратиться к изучению замыслов Пушкина в области фольклора и рассмотреть собранные им материалы в связи с общими проблемами творчества. Так был поставлен вопрос в работах крупнейших советских пушкиноведов. Результаты этого не замедлили сказаться на широком освещении фольклоризма Пушкина в исследованиях, статьях, публикациях. Все это способствовало дальнейшему изучению записей народных песен Пушкина и участия его в Собрании песен Киреевского. Советскими исследователями были открыты новые тексты, напечатанные в последнем выпуске «Новой серии» песен, собранных Киреевским, вышедшем в 1929 г. Расшифрована черновая рукопись Пушкина, оказавшаяся планом статьи о русских народных песнях (см. Приложение). Все пушкинские фольклорные записи и другие материалы, относящиеся к ним, были объединены Т. Г. Зенгер-Цявловской в книге «Рукою Пушкина» (1935). Дальнейшая работа и последующие публикации основывались на этом издании. Но вскоре стали появляться новые материалы, а затем и тексты.

Для истории собрания песен Пушкина ценные данные содержит переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым, опубликованная М. К. Азадовским⁹, и его же работа «Пушкин и фольклор», в которой раскрыто отношение Пушкина к переводу Н. И. Гнедичем новогреческих песен Фориэля¹⁰. Большое значение имеют труды советских музыковедов, посвященные Пушкину и народным песням, в особенности его записям русских песен¹¹. За последние годы расширился круг фольклористических исследований в этой области¹². Если еще сравнительно недавно М. К. Азадовский писал, что о замысле Пушкина издать собрание народных песен «можно судить только по некоторым намекам и скудным упоминаниям в письмах и мемуарах того времени»¹³, то теперь в основу исследования могут быть положены фольклорные записи поэта. В настоящем томе они представлены наиболее полно, сверены с подлинниками и копиями и сопоставлены с вариантами песен в других сборниках.

* * *

Начало фольклористической деятельности Пушкина, преследовавшей научные цели — создание сборника народных песен, — относится к периоду михайловской ссылки 1824—1826 гг. В литературе высказывались различные точки зрения на то, в каком году и от кого Пушкин начал записывать песни. Так, М. А. Цявловский считал, что первые записи были сделаны в ноябре 1824 г. от Арины Родионовны¹⁴. С. А. Бугославский, занимавшийся изучением свадебных песен, предполагал, что они собраны в Михайловском, но не от Арины Родионовны, являвшейся, по его мнению, представительницей иной песенной традиции¹⁵. Оба эти суждения, хотя и подводят определенный итог предшествующим изучениям, не лишены крайностей. В переписке, на которую ссылается М. А. Цявловский, Пушкин впервые упоминает о песнях в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Однако можно предполагать, что разинскими песнями он заинтересовался и раньше, судя по его письму к брату¹⁶. Что касается суждений Бугославского об Арине Родионовне, то следует иметь в виду, что она жила в Михайловском с 1810 г. и могла усвоить местные песни. Кроме того, петербургская (суйдовская) свадебная поэзия, которую Арина Родионовна знала с детства, мало чем отличалась от соседней, исконной. В то же время действительно Пушкин слушал песни крестьян, бывал на ярмарках в одежде простолюдина, собирая вокруг себя нищих, слепцов, которые пели ему стихи. Об этом известно со слов Киреевского и из других источников¹⁷. «Хождение в народ» в соответствующей одежде породило определенную традицию среди собирателей фольклора. Киреевский, отправившись в 1834 г. в Новгород за песнями, также ходил по ярмаркам в простой одежде, вызвав подозрение полиции. Но в особенности этим пользовался П. И. Якушкин в своих знаменитых стран-

ствованиях за песнями. Насколько удавалось Пушкину входить в доверие исполнителей песен, можно судить по записи им редких и запрещенных песен: о Разине, Аракчееве, кн. Волконском и Ваньке-ключнике и других.

Собирание песен, начатое в Михайловском, Пушкин продолжал в Москве, когда для этого у него появилась возможность¹⁸, в Болдине и во время поездки в Оренбург и Уральск. О записи Пушкиным народных песен в Болдине сохранилось косвенное свидетельство Киреевского. Киреевский в письме к Н. М. Языкову от 14 октября 1833 г., подсчитывая количество имеющихся у него песен, замечает: «Я не считаю еще тех, которые привезет из деревни Пушкин...»¹⁹ Пушкин был в это время в Болдине и, по-видимому, записывал там песни для сборника. Этим, в частности, объясняется полнота ряда текстов, которые можно отнести к Болдину. Наконец, именно в Болдине Пушкин дает глубокую оценку социальной значимости народной песни в созданных здесь произведениях: «Истории села Горюхина», «Домике в Коломне» и др. Мысли поэта о народных песнях продолжали радищевские традиции и были связаны с его фольклорными занятиями.

Некоторые исследователи к Болдину относят значительную группу песен из собрания Пушкина. Так поступает, например, Н. О. Лернер, утверждавший, что большая часть необрядовых песен, сохранившихся в копиях Киреевского, записана в Болдине²⁰. Для того чтобы согласиться с этим, надо располагать данными по каждой песне. Безусловно, к Болдину относится песня «Как у нас было на улице», о которой имеются сведения, что она записана от соседки Пушкина по болдинскому имению П. П. Кротковой²¹. С известной оговоркой сюда можно отнести песню об Аракчееве, близкий вариант которой встречается в нижегородских записях; балладу «На зоре-то было, на зорюшке», где упомянут г. Алатырь, расположенный у границ Нижегородской губ., игровую песню «Калина, малина!», упоминающую мордвиня, татарина и девуцу, которая мыла фату «на болдинском на плоту» и др. Эти тексты документально подтверждают, что Пушкин не прекращал собирательской работы.

Возникает вопрос, когда Пушкин мог записывать песни в Болдине? Обычно принято считать, что он занимался этим в одну из болдинских осеней (сентябрь — ноябрь 1830 г.; октябрь — первая половина ноября 1833 г. и сентябрь — первая половина октября 1834 г.). М. А. Цявловский, например, считает, что, вероятнее всего, записи были сделаны осенью 1833 г.²² Основанием для этого служит указанное выше письмо Киреевского. Но существуют и другие свидетельства, подтверждающие занятия Пушкина народными песнями в течение всего предшествующего времени. Так, Н. М. Языков, встретивший Пушкина в 1830 г. вскоре после возвращения из Болдина, писал брату: «Пушкин говорит, что он сличил все донные напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку, но он, кажется, хвастает»²³. Если даже согласиться с Языковым, что Пушкин «хвастает», то и тогда становится очевидным, что Пушкин все эти годы работал над песнями, и, коль скоро записывал их от Ушаковой в Москве, то собирал их и в Болдине. Но Пушкин не «хвастал», и следы большой работы, проделанной им и его помощниками, мы находим теперь в Собрании Киреевского.

Последние из известных нам записей Пушкина сделаны, по-видимому, не позднее 1834 г. Отдельно должны быть выделены фольклорные материалы, привезенные из поездки в Оренбургскую губ. в сентябре 1833 г. О намерении Пушкина записывать песни во время этой поездки известно из письма Киреевского к Н. М. Языкову²⁴. Будучи ограничен временем, Пушкин не смог реализовать эти планы, однако он положил начало собиранию фольклора о Пугачеве и записал несколько песен о нем. Среди них — оренбургский вариант казачьей песни о молодце, известной ранее по публикации А. О. Корниловича в «Русской старине на 1825 год» (см. № 8).

* * *

Собрание песен Пушкина, дошедшее до нашего времени, по своему составу делится на три основные жанрово-тематические группы: к первой из них относятся песни исторические, баллады, солдатские; ко второй — лирические, преимущественно семей-

ные; к третьей — свадебные песни. Историческими песнями, известными в устной традиции, Пушкин заинтересовался еще во время южной ссылки, когда Н. Н. Раевский познакомил его с разинским фольклором. Но осмысление этих песен как народного исторического эпоса было связано с формированием новых идейно-эстетических позиций Пушкина периода создания «Бориса Годунова» и «Полтавы». Изображая народ как движущую силу истории, Пушкин обращается к народным историческим песням, в которых он видел отражение деяний народа.

Пушкин и вслед за ним Киреевский вводят в науку самый термин «историческая песня». Впервые он встречается в наброске плана статьи Пушкина о песнях. Под этим термином поэт объединяет исторические песни начиная с эпохи Ивана IV до Суворова. По-видимому, в его собрание входило значительно больше исторических песен, чем сохранилось до нашего времени. Кроме того, он изучал исторический эпос русского, а также украинского народов, обращаясь к материалам Киреевского и М. А. Максимовича. Напомним рассказ Максимовича об одной из бесед с Пушкиным: «В 1829 году, когда Пушкин возвратился в Москву из своего закавказского странствования, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты малороссийские песни моего издания 1827 года. „А я это обкрадываю ваши песни“, — сказал он и, взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мне с жинкой не возиться;
А тютюн да люлька
Казаку в дорожи
Знадобится!..

„А я привез вам только что полученную мною из Украины народную песню о Мазепе“, — сказал я. Еще в детстве моем я слышал эту песню от слепой старухи в хуторе Самусеевке (Хорольского уезда), а тут довелось мне услышать ее из уст творца „Полтавы“, который прочел ее дважды по моему списку, а потом повторил уже наизусть следующий куплет:

У Києва на Подоли
Порубаны груши;
Погубив же пес Мазепа
Невинны души...»²⁵

С творческими планами поэта связаны запись песен о Разине и поиски песенного фольклора о крестьянской войне под руководством Пугачева. Разинский фольклор был хорошо известен Пушкину, как видно из его переводов разинских песен для Лёве-Веймара и собственных записей. Но он стремился собрать новые тексты, мало известные в литературе. К ним относится его запись песни о сынке Разина. Представляет интерес работа поэта с этим текстом, попытка восстановить его первоначальную редакцию (замена губернатора — воеводой, штабов, офицеров — боярами государевыми — см. № 1).

Но Пушкина интересовала не только седая история: кроме исторических песен XVII в., им была записана песня об Аракчееве, казачья и солдатские песни. Последние были очень популярны в 1830-х годах; в них изображались тяготы солдатской жизни, которая в одной из публикуемых песен уподобляется реке из слез и крови.

Непосредственно к историческим песням примыкают записанные Пушкиным песни-баллады. По времени возникновения наиболее ранней среди них является эпическая песня балладного характера о братьях разбойниках и сестре (№ 3). Она была популярна во времена Пушкина и встречается в ряде сборников, находившихся в его собственной библиотеке. Записывая, Пушкин, по-видимому, хорошо знал сюжет баллады, чем объясняются пропуски повторов в его тексте и в то же время внимание к отдельным местным выражениям и словам (например, «челегали» и др.). Не менее популярной была запрещенная в то время для публикации баллада о князе Волконском и Ваньке-ключнике, возникающая, как предполагают, в начале XVIII в. Она привлекла внимание демократической интеллигенции в 30-х годах. Эту балладу записал также Кольцов, и его текст Белинский безуспешно пытался опубликовать в «Отечественных записках»²⁶. Последняя из баллад, встречающаяся в собрании Пушкина,

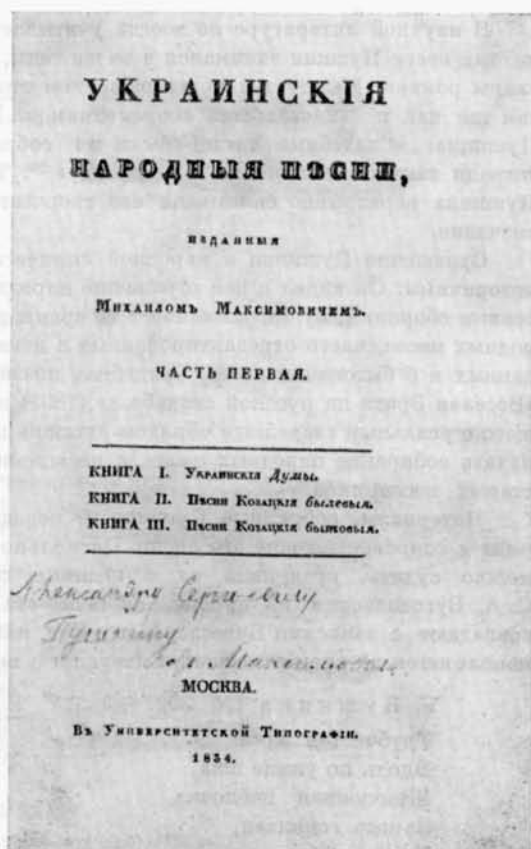
«УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ»,
ИЗДАННЫЕ М. А. МАКСИМОВИЧЕМ

(М., 1834)

С дарственной надписью издателя
А. С. Пушкину:
«Александр Сергеевичу Пушкину
от Максимовича»

Титульный лист

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

позднего происхождения, типичная для волжской традиции XVIII—начала XIX в. (№ 12). Русская народная баллада должна была интересовать поэта в связи со спорами, которые велись тогда вокруг этого жанра в литературе.

Центральное место среди фольклорных записей Пушкина занимают песни лирические и свадебные. О русских народных лирических песнях поэт писал много, видя в них отражение жизни, семейного и бытового уклада народных масс, прежде всего крепостного крестьянства. Именно социально-историческая обстановка определяла, по мнению Пушкина, содержание и характер народной песенной поэзии. И не только народной поэзии, но и литературы:

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ящика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская...

(«Домик в Коломне»)

С тех же позиций Пушкин характеризует народные лирические песни в «Путешествии из Москвы в Петербург», завершая эту характеристику словами: «Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный»²⁷.

Лирическая, и в особенности обрядовая, свадебная поэзия несла в себе черты подлинной народности, о которой Пушкин писал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»²⁸.

Такое понимание народности определило отношение поэта к фольклору, использование его в своих произведениях. К народной песенной поэзии обращается Пушкин и при создании «Евгения Онегина».

В научной литературе не всегда учитывается, что собиранием и изучением свадебных песен Пушкин занимался в те же годы, когда им были написаны центральные главы романа. Между тем подтверждением этого являются его фольклорные записи, так же как и свидетельства современников. М. П. Погодин писал об этой работе Пушкина: «Свадебные песни были им собраны и очищены. Некоторые из своей тетради также читал он мне в 1828 году»²⁹. Таким образом, фольклорные занятия Пушкина неразрывно связаны с его творчеством. Но они имели и самостоятельное значение.

Отношение Пушкина к народной лирической и свадебной поэзии было глубоко историчным. Он видел в ней отражение народной жизни. Однако многочисленные песенные сборники, существовавшие в то время, включали лишь немногие варианты народных песен, часто отредактированные и искаженные издателями. Не было никаких данных и о бытовании песен. Свадебная поэзия была представлена сборниками типа «Веселая Эрата на русской свадьбе...» (1801) и подобными, имевшими очень мало общего с реальным свадебным обрядом русской деревни. Все это привело поэта к мысли начать собирание народных песен, а несколько позже он приступает к отбору их из старых песенников.

Материалы, собранные Пушкиным, передают основные моменты свадебного обряда и сопровождающие его песни. Насколько его записи были типичны для обряда, можно судить, сравнивая их с песнями, собранными в районе Михайловского С. А. Бугославским по прошествии более ста лет. Некоторые тексты почти дословно совпадают с записями Бугославского. Вот, например, зачин свадебной песни, которая исполняется во время прощания девушки с волей, красотой:

У Пушкина (№ 30)

Труби́стая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчу́жная пчёлочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася...

В записи Бугославского

Труби́стая коса
Вдоль по улупше пошла.
Замчу́жная пчёлушка
За ею гонялася,
За косу хваталася³⁰.

Бугославский приводит еще четыре песни, имеющие текстуальное совпадение с записанными Пушкиным. Это подтверждает принадлежность пушкинских записей псковской песенной традиции. Но если обратиться к фольклорным записям из других областей, то и там найдем варианты, близкие к пушкинским текстам. Все это говорит о том, что у Пушкина отобраны характерные для русского свадебного обряда песни различного содержания. Среди них отметим плач и песни невесты-сироты, привлекавшие внимание поэта, судя по тому, что одну из них он приводит в качестве эпиграфа в «Капитанской дочке» к главе «Сирота».

Свадебные песни Пушкин рассматривал в неразрывной связи с семейно-бытовой лирикой. Он видел в них поэзию, отразившую семейно-бытовой уклад крепостной деревни, характерное для нее «несчастье жизни семейственной»³¹. Подобное отношение к этим жанрам народной поэзии было присуще всей демократической литературе. Белинский писал, что свадебные песни «выражают одно чувство — страх невесты к будущему (...) И все песни, в которых изображается картина замужества, суть оправдание этих зловещих предчувствий...»³². Среди записей Пушкина есть немало песен, посвященных неравному браку. Они развивают и дополняют тематику свадебной поэзии.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на опыты Пушкина в области народного стиха³³. Однако до сих пор не обобщены все материалы, относящиеся к этим опытам, и не раскрыта их последовательность. В особенности это касается его работы над лирической песней. Публикуемые ниже материалы дают возможность поставить эту проблему в специальном исследовании. Совершенно очевидно, что ряд народных лирических песен, переданных Пушкиным Киреевскому, несет на себе следы его обработки. Отличить такие песни от остальных необычайно трудно.

ПЕЙЗАЖ

Рисунок А. С. Пушкина (перо), 1833

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В умении создать новый вариант народной песни и выражено в данном случае мастерство поэта; Пушкин предстает здесь подлинно народным сказителем. Не оставляет сомнений, что Киреевский учитывал опыт Пушкина при создании сводных песенных текстов. К этому вели их совместные занятия народными песнями³⁴.

К концу 1820-х годов Пушкин, располагая значительным количеством фольклорных записей и имея опыт собирательской работы, решает готовить сборник народных песен. Мысль об этом у него могла возникнуть и раньше. Но непосредственным поводом послужил, вероятно, выход в свет в 1827 г. сборника «Малороссийские песни» М. А. Максимовича, в издании которого принимал участие приятель Пушкина С. А. Соболевский. Именно к Соболевскому в 1828 г. Пушкин обратился с предложением готовить собрание народных песен. По его замыслу, оно должно было включать в себя не только новые записи, но и отобранные из старых публикаций. Этим и начал заниматься Соболевский, коллекционировавший редкие книги, в том числе песенники. В 1829 г. Соболевский уехал в Италию, где продолжил начатую работу. 15 декабря 1831 г. он писал С. П. Шевыреву: «Кстати об поэзии; имею до тебя весьма нужную просьбу: я, сидя здесь, собрал из своих и воронцовских книг до 700 русских песен: у Рожалина в Мюнхене их должно быть до 150, написанных на память Киреевского Санхопансоу Родивоном, которые большей частью неизвестны. Я же и до отъезда задумал издать с Пушкиным „Собрание русских песен“. Итак, пришли мне те, кои ты в Саратове заграбастал, чем крайне меня одолжишь. Переписывай их понемножку, а я тебе дам знать, куда их выслать»³⁵. Из этого письма и других материалов становится ясно, что в собирании песен принимают участие: Шевырев, Н. М. Рожалин и Киреевский³⁶. Вскоре к Киреевскому присоединяются братья Языковы, которые, однако, предпола-

гают готовить самостоятельное издание. Но еще 12 октября 1832 г. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин также был недели две в Москве и третьего дня уехал; он <...> намерен как можно скорее издавать Русские песни, которых у него собрано довольно много; я думаю ему послать копию с моего собрания, но для этого нужно наперед твое соизволение»³⁷. «Соизволение» требовалось потому, что значительная часть материалов, находившихся в то время у Киреевского, была собрана братьями Языковыми.

Идея, выдвинутая Пушкиным, — создать научное собрание народных песен — была подхвачена, и задуманное им издание оказалось центром, вокруг которого сосредоточивались многие собиратели, чьи материалы необходимо было освоить и обобщить³⁸. В одном из писем Киреевского к Языкову (от 14 октября 1833 г.), где приведен план и охарактеризован материал сборника, Киреевский сообщал о том, что Пушкин «обещает написать предисловие» к нему³⁹. Предисловие не было написано, так как работа над сборником не была завершена. Но в бумагах Пушкина сохранился набросок плана статьи о песнях, которая, по-видимому, должна была стать этим предисловием. Характеризуя набросок плана в целом, необходимо отметить то, что не всегда учитывалось в фольклористике, а именно связь его с другими планами и заметками Пушкина по истории литературы. Достаточно сопоставить этот план с «Планом истории русской литературы» и с сохранившимися отрывками статей «О русской литературе», «О ничтожестве литературы русской», относящихся также к 1830-м годам, чтобы убедиться в единстве их замысла.

Основу всех этих работ составляла проблема народности и определение исторического пути развития русской литературы. Неоконченная статья Пушкина «О ничтожестве литературы русской» обрывается фразой: «Обратимся к России...»⁴⁰. Предисловие к песенному сборнику было задумано как одна из работ, в которой он обращался к России, к русской народной поэзии.

План предисловия делится на три части: вступление, исторические песни, свадебные и семейно-бытовые. Перед Пушкиным стояла задача выделить и охарактеризовать основные особенности русской песенной поэзии, указать на ее оригинальность. Вопрос о самостоятельном пути развития русской поэтической культуры и ее традициях более всего волновал поэта. Вслед за проблемой народности этот вопрос являлся центральным во всех его историко-литературных работах. Но решить его было не просто. Научных публикаций произведений народного творчества почти не было. Можно было опираться на сборник Кирши Данилова, но народность и достоверность текстов этого сборника признавались далеко не всеми. В связи с этим нельзя согласиться с М. К. Азадовским, который, разбирая указанный план, утверждал, что у Пушкина не было необходимости доказывать оригинальность русских, в особенности исторических, песен, представленных у Кирши Данилова⁴¹. Как раз наоборот. Работа Пушкина — запись народных песен, критический отбор их из старых песенников — была направлена на то, чтобы установить исторический путь развития народной поэзии, раскрыть ее своеобразие.

Основная часть плана посвящена историческим песням, которые помогли Пушкину воссоздать события отечественной истории так, как они сохранились в памяти народной. Это было связано и с его работами по русской истории. Исторические воззрения поэта получили определенное отражение и в плане. Пушкин считал, что рубежом в истории России являлось «время Иоаннов»; с Ивана IV и начинается раздел исторических песен. Переходя к XVII в., Пушкин выделяет цикл песен о Степане Разине. Если иметь в виду и зачеркнутые строки плана, то, оказывается, он разделял песни о Разине на исторические и неисторические. Большой раздел посвящен эпохе Петра I. Вначале названо имя стрелецкого полковника Цыклера, участвовавшего в заговоре против Петра, о чем поэт писал в «Истории Петра». Некоторые исследователи считали, что Пушкин ошибся, упомянув это имя, неизвестное народной поэтической традиции. Однако в данном случае он мог иметь в виду не песни о Цыклере, а сам факт заговора и стрелецкие песни о начале царствования Петра. Дальше Пушкин называет имена Петра, Шереметева, Меншикова. Все это, включая и Цыклера, относится в основном к тем материалам, которые из старых песенников отбирал Соболевский. Одну из песен о

Меншикове из сборника Чулкова Пушкин перевел для Лёве-Веймара. Весь раздел исторических песен заканчивается словами: «Далее про Фермора, про Сув<орова>». Песни о прусской войне, в которых упоминается имя Фермора, довольно часто встречаются в рукописных песенниках того времени. Из богатейшей коллекции Соболевского сохранился рукописный песенник, где мы нашли песни о Ферморе⁴². Заканчивается раздел песнями о Суворове, что отвечало намерениям Пушкина заниматься русской историей.

Следующий раздел плана начинается словами: «Новейшее влияние. Мера, рифмы с Сумарок<ова>». Постановка вопроса о новейших влияниях в песенной поэзии народа в то время была очень актуальна. XVIII век в истории литературной песни нередко называют «сумароковским периодом». Имя Сумарокова как теоретика песенного жанра встречается в предисловии М. И. Попова в «Российской Эрате», что, несомненно, могло заинтересовать Пушкина⁴³. Все это давало большой материал для разбора и полемики. Отсюда и переход к лирическим песням.

В заключение в плане выделена свадьба и отмечен элегический тон песен, что соответствовало взглядам Пушкина на свадебную и семейно-бытовую лирику. Таким образом, набросок плана представляет собой известную конкретизацию и развитие тех идей о народной песне, которые высказывались Пушкиным в других произведениях. Вместе с тем этот набросок является последним документом, относящимся к работе поэта над сборником песен. Но и в последующие годы Пушкин продолжал интересоваться Собранием Киреевского и изданием песен. В 1835 г. Киреевский перед отъездом за границу встретился с Пушкиным и Соболевским в Петербурге. Бартенев приводит следующее свидетельство об их встрече: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаружил самое близкое знакомство с этим предметом»⁴⁴. В «Путешествии из Москвы в Петербург» в главе «Слепой» Пушкин говорит об истинной поэзии народных легенд, высказывает сожаление, что они не издаются, и называет в связи с этим имена Н. М. Языкова и П. В. Киреевского, которые «собрали их несколько»⁴⁵. Наконец, очень ценное свидетельство дает список статей и рецензий, намеченных Пушкиным для помещения в «Современнике». Список составлен в 1836 г., и те статьи, которые были подготовлены и для которых собран материал, отмечены крестом. В списке стоит: «Путеш<ествие> Рад<ищева>» со знаком креста, а вслед за этим, ниже, «Собрание Р<усских> песен» — без знака⁴⁶. Следовательно, до конца жизни Пушкин не оставлял мысли подготовить статью о песнях, а может быть, опубликовать и самые песни в своем журнале.

При жизни Пушкина «Собрание русских песен» не было издано, и впоследствии многие из его материалов, в том числе ценнейшие автографы поэта, были утеряны. Однако идея Пушкина получила воплощение в деятельности Киреевского, составившей эпоху в истории русской фольклористики.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступ. статья и прим. М. Ц я в л о в с к о г о. М., 1925, стр. 52—53.

² Сочинения П у ш к и н а. Изд. П. В. А н н е н к о в а, т. I. СПб., 1855, стр. 151.

³ Газ. «Порядок», 1881, № 11, 12 января.

⁴ П. В. А н н е н к о в. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, стр. 300.

⁵ <П. И. Б а р т е н е в.> Рассказы о Пушкине, стр. 52—53; Ф. И. Б у с л а е в. Мои воспоминания. М., 1897, стр. 293. Обзор других источников. — см. С о й м о н о в, стр. 143—153.

⁶ В. Ф. М и л л е р. Пушкин как поэт-этнограф, с приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным. М., 1899.

⁷ НС, в. I. М., 1911, стр. 54—60; в. II, ч. 2, 1929, стр. 231—235. О других публикациях — см. в комментариях.

⁸ ЛС, в. I—II, 1903—1904.

⁹ Письма Киреевского к Языкову (1935); см. также: Из неизданной переписки Н. М. Языкова. — «Лит. наследство», т. 19-21, 1935, стр. 33—104.

¹⁰ М. К. А з а д о в с к и й. Литература и фольклор. Л., ГИХЛ, 1938, стр. 5—64.

¹¹ Бугославский, стр. 183—210. См. также: И. Р. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937; В. В. Яковлев. Пушкин и музыка. М.—Л., 1949; 2-е изд. — М., 1957; А. Н. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. М.—Л., 1950.

¹² В. К. Архангельская. План статьи Пушкина о русских песнях. — «Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 3—20; Т. М. Акимова. Пушкин о народных лирических песнях. — Там же, стр. 21—77.

¹³ Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 250.

¹⁴ РП, стр. 459.

¹⁵ Бугославский, стр. 189.

¹⁶ См. комментарий, стр. 219.

¹⁷ Рассказ К. А. Тимофеева о поездке в Михайловское в 1859 году. — «Русская старина», 1899, № 5, стр. 272; М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское. — В кн.: А. Н. Вульф. Рассказы о Пушкине. Дневники. М., 1929, стр. 38—39, 52—53.

¹⁸ По свидетельству Л. Н. Майкова, Пушкин, находясь в Москве в 1826—1827 гг., бывал в доме Ушаковых и просил старуху Ушакову «диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы» (Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 362).

¹⁹ Письма Киреевского к Языкову, стр. 49.

²⁰ Н. О. Лернер. О Пушкине. Новооткрытые записи народных песен Пушкина. — «Русская старина», 1912, № 4, стр. 105—106.

²¹ М. А. Цявловский. Два автографа Пушкина. М., 1914, стр. 14—16.

²² РП, стр. 462.

²³ «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 533—534.

²⁴ Письмо от 17 января 1834 г. (Письма Киреевского к Языкову, стр. 59). Впоследствии Киреевский получил несколько уральских записей Пушкина: в его бумагах был найден пушкинский автограф одной из них.

²⁵ М. А. Максимович. Оборона украинских повестей Гоголя. — «Литературный вестник», 1902, т. III, кн. 1, стр. 113. В бумагах Пушкина обнаружена еще одна запись украинской песни (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 704, л. 2 об.). Вот ее текст:

Черна роля заорана
Гей гей
Чер. etc.
[Б] И кулями засіяна
Билим тилом взволочена
Гей гей
И кровію сполочена
etc. etc.—

Запись сделана на обороте письма Гоголя к Пушкину, начинающегося словами: «Я вчера был у Уварова», датируемого маем 1834 г. (Гоголь, т. X, стр. 317). Полный текст этой песни есть в сборнике Максимовича, подаренном Пушкину и сохранившемся в библиотеке поэта (Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834, стр. 154—156). М. А. Цявловский высказал предположение, что строки песни записаны Пушкиным со слов Гоголя (РП, стр. 554).

²⁶ См. стр. 282 настоящ. тома.

²⁷ Пушкин, т. XI, стр. 255.

²⁸ «О народности в литературе». — Там же, стр. 40.

²⁹ М. А. Цявловский. Заметки о Пушкине. — «Звенья», VI, М.—Л., 1936, стр. 153.

³⁰ Бугославский, стр. 185.

³¹ Пушкин, т. XI, стр. 255.

³² Белинский, т. V, стр. 442—443.

³³ Б. В. Томашевский. О стихе. Л., «Прибой», 1929, стр. 63—76.

³⁴ В конце 1830-х годов Киреевский готовил сборник свадебных песен, куда вошли почти все записи свадебных песен Пушкина. В этом же сборнике Киреевским впервые был применен метод подготовки сводных текстов. Следы этой работы сохранились в так называемых «Зеленых тетрадях» Киреевского (ЛБ, ф. 125).

³⁵ «Выдержки из заграничных писем С. А. Соболевского к С. П. Шевыреву (1829—1833)». — «Русский архив», 1909, № 7, стр. 502—503.

³⁶ См. Соймонов, стр. 143—148.

³⁷ Письма Киреевского к Языкову, стр. 24—25.

³⁸ Соймонов, стр. 150.

³⁹ Письма Киреевского к Языкову, стр. 50.

⁴⁰ Пушкин, т. XI, стр. 272.

⁴¹ М. К. Азадовский. Литература и фольклор, стр. 37.

⁴² ГПБ, Q XIV, № 86, 87. См. «Труды IV Археологического съезда в России», т. II. Казань, 1894, стр. 162—192.

⁴³ «Российская Эрата». Предисловие, стр. XI—XIV.

⁴⁴ Рассказы о Пушкине, стр. 52—53.

⁴⁵ Пушкин, т. XI, стр. 258.

⁴⁶ РП, стр. 281.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

№ 1

ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА^{1*}

В городе-то было во Астрахане,
 Проявился детина, незнамой человек.
 Он щеголем по городу похаживает:
 Черный бархатный кафтан нарозмашечку надет,
 Черна шляпа пуховая на его русских кудрях,
 Свой персидской кушачок во правой руке несет.
 Он боярам государевым^{2*} не кланяется,
 К астр<аханскому> воеводе^{3*} под суд нейдет.
 Как увидел молодца воевода^{4*} со крыльца,
¹⁰ Закричал он, воевода^{4*}, громким голосом своим:
 — Ой^{5*}, есть ли у меня слуги, верны молодцы?
 Вы сходите, приведите удалого молодца!
 Как поймали молодца во цареве кабаке,
 Приводили удалого к воеводе^{6*} на двор.
 А уж^{7*} стал воевода^{8*} его спрашивати:
 — Ты скажи, скажи, детина, незнамой человек,
 Чьего рода, чьего племени, чей отческой сын?
 Иль из нашего городу, из Астр<ахани>?
 Или со Дону казак иль казацкий сын?
²⁰ — Я не с вашего городу, не с Астр<ахани>,
 Я не со Дону казак, не казацкий сын, —
 Я со Камы со реки Сеньки Разина сынок.
 Взялся батюшка у вас ^{9*} завтра в гости побывать,
 Ты умей его принять, умей подчивать!
 Рассердился воевода ^{10*} на удалого молодца,
 Закричал тут воевода ^{11*} гром<ким голосом своим>:
 — Что ес<ть> ли ^{12*} у меня <слуги, верны молодцы>?
 Вы возьмите, отведите уд<алого> м<олодца>,
 Посадите удалова в белу-каменну тюрьму.

№ 2

Как на утренней заре вдоль по Каме по реке,
 Вдоль по Каме по реке легка ^{13*} лодочка идет,
 Во лодочке гребцов ровно двести молодцов,
 Посреди лодки хозяин — Се<нька> Р<азин> отоман.

1* В автографе: Сеньки-разине

2* Первоначально: штабам, офицерам

3* Первоначально: Губернатору; астр<аханскому> вписано. — Эта и следующие замены «губернатора» на «воеводу», не доведенные до конца, сделаны более темными чернилами, чем основной текст. Исправления теми же чернилами не оговариваются.

4* Первоначально: губернатор

5* Первоначально: Вы

6* Первоначально: Губернатору

7* А уж вписано чернилами, видимо, позднее.

8* Первоначально: Губерн<атор>

9* у вас вписано карандашом.

10* В автографе: Губерн<атор>

11* В автографе: Губ<ернатор>

12* В автографе: если

13* легка вписано.

Закричал тут х<озяин Сенька Разин отоман>:

— А мы счерпнемте воды изо Камы со реки.

Мы ^{1*} исчерпнули воды изо Камы со реки.

Припечалился ^{2*} хоз<яин> ^{3*} С<енька> Р<азин> А<таман>:

— Знать-то, знать ^{4*}, что мой сыночек во неволюшке сидит,

¹⁰ Во невол<юшке> сидит ^{5*} в белокаменной тюрьме.

— Не печалься, наш хозяин, С<енька> Р<азин> Ата<ман>:

Белу каменну тюрьму по кирпичику разберем,

Твоего милого ^{6*} сыночка из неволи уведем,

Астр<аханского> воеводу ^{7*} под суд возьмем.

№ 3

Во славном городе во <Киеве>

У славного царя у Владимира

Жила-была молода вдова.

У вдовушки было девять сынов,

Десятая дочь любезная:

Поили-кормили, п е л е г а л и ^{8*} —

Девять сынов под разбой пошли,

Десятую дочь замуж выдали

По край моря за Морьянина.

¹⁰ Они прижили малого детища ^{9*}.

Она год живет и другой живет,

На третий год стосковалася.

Стала она Морьянина в гости звать:

— Пойдем, Морьянин-свет,

Ты к тещи, а я к матушки,

Ты к шурьям, я к милым братьям.

Они ^{10*} день идут и другой идут,

На третий день становились.

Нарубили ^{11*} огонечек малёшенек,

²⁰ Пустили дымочик тонешеник.

Напали воры-разбойники,

Они Морьянина зарезали,

Морьянинка в воду бросили,

М<орьянин>ку во полон взяли.

Как все-то разбойнички стали пить и есть,

Один-то разбойничек ни пьет, ни ест,

Ни п<ьет>, н<и> ес<т>, богу молится.

Все разбойнички спать легли,

Один-то разбойничек ни спит, ни лежит,

³⁰ Г<осподу> богу молится.

И стал он у Морьянинки расспрашивать:

— Ты скажи-скажи, М<орьянинка>,

С какого ты села-города

^{1*} Первоначально: И мы

^{2*} Первоначально: Как наш хозяин припечалился

^{3*} хоз<яин> вписано.

^{4*} то знать вписано позднее.

^{5*} Во невол<юшке> сидит вписано.

^{6*} милого вписано позднее.

^{7*} В автографе, вероятно, по ошибке осталось: губ<ернатора>

^{8*} деляли. <Прим. Пушкина.>

^{9*} В автографе: детищаго. — Первоначально 10 — 11 ст. шли в обратном порядке

^{10*} Первоначально: Пе<рвый>

^{11*} развели. <Прим. Пушкина.>

[illegible]

ПЕСНЯ «ВО СЛАВНОМ ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ...», ЗАПИСАННАЯ А. С. ПУШКИНЫМ

Автограф. Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года

Заключительные стихи

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

И которого отца-матери?
Стала ему М⁴⁰орьянин^{ка} рассказывать:
— У слав^{ного} царя у Владимира
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили-кормили, пелегали.
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали
По край моря за Морья^{нина}.
— Вставайте, братцы родимые!
Не М^{орьянина} мы резали,
Не М^{орьянинк}а в воду бросили,
Не М^{орьянинк}у во полон взяли:

<Мы зарезали> зятя любезнова,
 <В воду бросили> племянника,
 50 Родну сестру взяли во полон ^{1*}.—
 Вставали братцы родимые,
 Просили у сестры прощеньица:
 — Отчего ^{2*} ты нам не сказалася,
 Что ты нам родна сестра?
 Пошли... к родной матушке,
 Становились на коленки все
 И просили у нее ^{3*} прощеньица:
 — Прост<и> на<с>, родн<а> мат<ушка>,
 Не знаяши, зарезали зятя люб<езнова>,
 60 В воду бросили пл<емянника>,
 Род<ну сестру взяли во полон>.

№ 4

Как за церковью, за немецкою,
 Добрый молодец богу молится:
 — Как не дай, боже, хорошу жену,—
 Хо<рошу> ж<ену> в честной ^{4*} пир зовут,
 Меня, молодца, не п р и м о л в и л и ^{5*},
 Мол<оду> ж<ену> — в новы саночки,
 Меня, молодца,— на запяточки.
 Мол<оду> жену — на широкий двор,
 Меня, молодца,— за воротички.

№ 5

Из Гурьева городка
 Протекла кровью река.
 Из крепости из Зерной ^{6*}
 На подмогу Рассыпной
 Выслан капитан Сурин
 Со командою один.
 Он нечаянно в крепость въехал,
 Начальников перевешал,
 Атаманов — до пяти,
 10 Рядовых — сот до шести.

Ур<альски> казаки
 Были дураки,
 Генерала убили
 Госуд.

№ 6

Друг мой милый, красно солнышко мое,
 Сокол ясный, сизокрылый мой орел,
 Уж неделю не видалась я с тобой,

^{1*} Первоначально: Взяли во полон родну сестру.

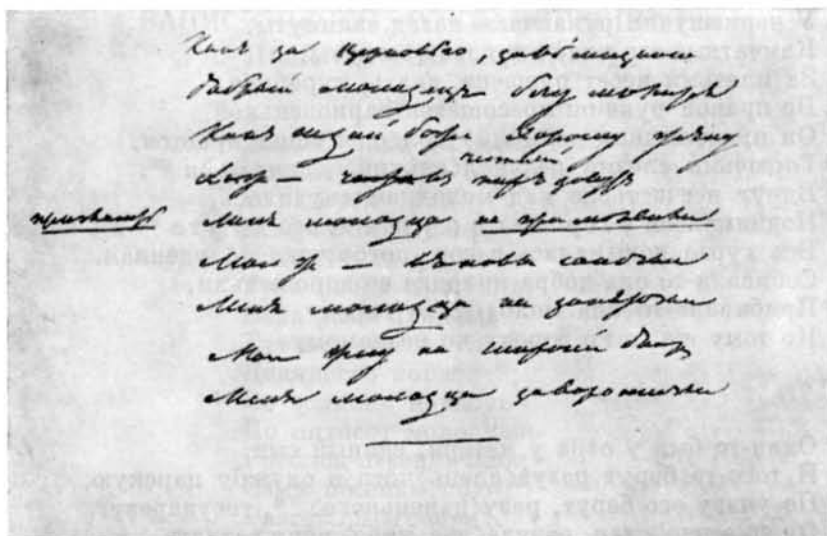
^{2*} Первоначально: За<чем> <?>

^{3*} Первоначально: них

^{4*} Первоначально: часто в

^{5*} пригласить. <Прим. Пушкина.>

^{6*} Первоначально: Озерной

ПЕСНЯ «КАК ЗА ЦЕРКОВЬЮ, ЗА НЕМЕЦКОЮ...», ЗАПИСАННАЯ
А. С. ПУШКИНЫМ

Автограф. Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Ровно семь дней, как спозналась с горем я.
Мне не взмились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мячи ^{1*}
Не по праву, не по мысли мне пришли.
Я скиталась по темным лесам,
В темном лесе кинареички поют,
¹⁰ Мне, девчонке, грусть-назолу придают.
Ты не пой, кинареичка, в саду,
Не давай тоски сердечку моему.

№ 7

Во лесах во дремучих
Тут брала девка ягоды,
Брамши-то она в лесу заблудилась,
Заблудимши она приаукнулась:
— Ты ау, ау, мой любезный друг,
Мой любезный друг, жизнь душа моя!
— Уж я рад бы тебе откликнулся,
За мной ходят трое сторожей:
Первый сторож — родн(ой) б(а)тюшка,
¹⁰ Втор(ой) сто(ро)ж — мил(а) м(а)тушка,
А тр(етий) ст(оро)ж — молода жена!

№ 8

Не белинька березанька к земле клонится,
Не камыш-трава во чистом поле расшаталась,—
Зашатался-загулялся добрый молодец
В одной тоненькой кармазиновой черкешучке.

^{1*} В автографе: мечи

У черкешучки рукавчики назад закинута,
 Камчатные его полдочки назад загнуты,
 За плечьями несет ружееце, знать, турецкое,
 Во правой руке он пресошечек карновенькой,
 Он присошечком добр<ый> мол<одец> подпирается,
 10 Горючьми слезми разудал<енький> заливаеця ^{1*}.
 Вдруг несчастьеце над молодцом случилось,
 Поднималася с гор п о г о р у ш к а, все хурта ^{2*}-в ь ю г а,
 Все хурта подымалась с гор, погорушка полуденная.
 Собивала-то она добра молодца со дороженьки,
 Прибивала-то она молодца ко городу,
 Ко тому же то ко городу ко незнакомому.

№ 9

Один-то был у отца у матери, единый сын,
 И того-то берут разуд<алень>кого в службу царскую,
 По указу его берут, разу<даленького> ^{3*}, государеву.
 Он со вечер стал, разуда<ленький>, коня седлать,
 Ко полуночи стал, ра<зудаленький>, с двора съезжать.
 Отец-то и мать его, разудаленького, провожать пошли,
 Провожали его, разудаленького, весь и род-пл<емя>,
 Позади-то его идет горюшинька мол<ода> жена.
 Молод<у> жену, белую лебедушку, уговаривает:
 10 — Воротись ты, жена, воротись, душа-лебед<ь> белая,
 Впереди-то у нас все огни горят, огни неугасимые.
 — Разудал<енький> добр<ый> моло<дец>, меня не обманывай,
 Горит у тебя, у молодца, ретиво сердце.

№ 10

Как у нас было на улице,
 У нас на широкой:

*

Красны девки разыгрались,
 Молодушки расплясались.

*

Одна девка лучше всех,
 На ней лента шире всех.

*

Девка парню говорила
 И всю правду объявила:

*

— Послушай-ка, мой милый,
 10 Сердце-радость дорогой,

*

Мой батюшка не лихой,
 Тебе будет не чужой.

^{1*} Первоначально: ра<зливается> <?>

^{2*} Первоначально: кто <?>

^{3*} Вписано.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ
В КОПИЯХ КИРЕЕВСКОГО

№ 11

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
¹⁰ Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят

СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина Т. А. Васильева (масло), 1820

Третьяковская галерея, Москва

— Ты, Ракчеев господин,
 Всю Россию разорил,
 Бедных людей прослезил,
 Солдат голодом поморил,
²⁰ Дорóженьки проторил,
 Он канавушки прорыл,
 Берёзками усадил,
 Бедных людей прослезил!

№ 12

Туто жил-поживал господин Волконский князь,
 У этого у князя жил Ванюша ключничек.
 Ваня год живёт, другой живёт,
 На третий год князь доведался;
 Закричал князь Волконский своим громким голосом:
 — Как есть ли у меня слуги верные при мне?
 Вы подите приведите вора Ваньку ключника! —
 Как ведут Ванюшу широким двором,
 Как у Ванюшки головка вся проломана,
¹⁰ Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
 Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
 Закричал-та господин Волконский князь громким голосом
 — Вы подите-ка, вы выройте две ямы глубоких,
 Вы поставьте-ка два столбика дубовых,
 Положите перекладец сосновый,
 Повесьте две петли шелкóвые:
 Пускай Ваня покачается,
 Молодая-то княгиня попечалится!

№ 13

На зоре-то было, на зорюшке,
 На зоре-то было вечерней:
 Высоко́ звезда восходила —
 Выше лесу, выше тёмнова,
 Выше садику зелёнова.
 Как во городе во Ала́тыре
 Случилось несчастье,
 Как несчастье немалое:
 Жена мужа потёряла,
¹⁰ Вострым ножичком зарезала,
 Вынимала сердце с пёченью.
 На ноже сердце встrepехнулось,
 Она, шельма, рассмехнулась,
 Рассмехнувшись, она ужаснулась.
 Взяла его за черны́ кудри,
 Ударила об сыру́ землю,
 Во холодный лёдник спрятала,
 Дубово́й доской она закрыла,
 Золотым перстнём запечатала;
²⁰ Сама пошла в нову́ горницу,
 Закричала громким голосом:
 — Ты талан ли мой, талан лихой
 Или участь моя горькая!
 На роду ль мне так написано?
 Прилетели к ней два со́кола,

КРЕСТЬЯНИН

Рисунок П. П. Свинына (?) (цветной карандаш), 1815
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Два Ивана, два Иваныча:

— Ты, сноха наша, невестушка,

Где наш братец Иванушка?

— Ваш братец — охотничек,

³⁰ Уехал в лес за охотою,

За куницами, за лисицами.

— Не обманывай нас, невестушка!

Вон шелков кушак на стене висит,

Перчаточки с шапочкой на полочке лежат.

№ 14

Бежит речушка слезовая,

На ней струюшка кровавая;

По бережку растет част осинничек,

Во тем осинничке куст рябинушки;

Она аленькими цветочками она расцветала.

На цветú сидит кукушечка,

Горемычная куковала,

Жалобнёхонько, горемычная, причитала,

Всем солдатушкам назóлушку давала.

¹⁰ Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобнёнько,

Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то, солдатускам, жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

№ 15

Девушка крапивушку жала,
Красная немного нажала;
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила:
— Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:
Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой.
10 — Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой,
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Ни душеньки молодой жены,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали*.

№ 16

Долина, долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке
Ничто не родилось:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зелёная.
Из-за той ли рощицы
10 Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталось.
Греет-греет солнушко
Зимой не по-летнему;
Любит-любит миленький,
Любит не по-прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу подговаривал:
— Поди-поди, девица,
20 За меня замуж,
За меня, за молодца,
За парня холостова.
— Нейду-нейду девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холостова,—
Холост скоро женится;
Полюбить женатого,—
30 Жена-то рассердится.

* Поется также: Да и та старенька.

Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:
Солдат во поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

№ 17

Я вечер, вечер, добрый молодец,
Вечер загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся,
Я тайного ласкова словечка
От ней дожидался.
Ничего-то, моя сударушка,
Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
10 Грубое словечко:
— Ты отстань-отстань, добрый молодец,
Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке,—
Отстань по неволе.
Тосковал-то я, добрый молодец,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром молодце,
Никто не потужит:
Что ни батюшка, ни матушка,
20 Ни жена молодая;
Что потужит ли, погорюет ли
Красная девица,
Что названная моя прежняя
Милая сестрица!

№ 18

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька, женили;
Молода была жена, я глупенек,
Стал я молодцем — жена стала старенька.
Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретиво.
Как вечер меня молодка огорчила,
Мне неспосную насмешку насмеяла:
— Отступися,— мне сказала,— отвяжися,
10 У тебя своя жена, с ней и целуйся!—
Во бору ли во сырём ли стук-треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
— Вы постойте, добры молодцы, погодите,
20 Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучите с опостылой со женою.

№ 19

- Ах ты, молодость, моя молодость,
 Не видал я тебя, когда ты прошла,
 Когда ты прошла, когда миновалася!
 Живучи с женой не с корыстною,
 Не продать мне жену, не променять ее
 Что ни братцу, ни товарищу.
 Я пойду ли сам крутым бережком,
 Я найму ль себе новых плотничков,
 Новых плотничков, корабельщиков.
- ¹⁰ Я сострою нов тесов корабль
 О двенадцати тонких парусах,
 Тонких, белых, полотняных.
 Я спущу ли корабль на сине море,
 Посажу ли жену свою, барыню,
 Отпущу ли жену в свою сторону;
 А я сам пойду на круту гору,
 Посмотрю ли я на сине море.
 А уж корабль бежит, как сокол летит,
 А жена-то сидит, точно барыня.
- ²⁰ Уж я вскрикну ли громким голосом:
 — Воротись, жена, моя барыня,
 А мы будем жить лучше прежнего,
 А я буду любить лучше старого!
 — Не обманывай ты, распостылый муж,
 Что не греть солнцу зимой против летнего,
 Не светить месяцу летом против зимнего,
 Не любить тебе меня пуще прежнего!

№ 20

- Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
 Во той во беседушке девицы сидят,
 Дёвицы сидят, речи говорят *:
 — Лучина-лучинушка березовая!
 Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, не всыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печі не была? **
 — Я была в печі вчерашней ночи,
 Лихая свекровушка воду пролила,
- ¹⁰ Воду пролила, меня залила.
 — Сестрицы голубушки, ложитесь спать:
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне, красной девице, всю ночь не спать:
 Кровать убирать, милá дружка ждать;
 Убравши кроватушку, сама лягу спать.
 Первый сон уснула — без мѣленького;
 Второй сон уснула — без сердечного;
 Третий сон уснула — зоря белый день.
 Из-под белой зорюшки мой милый идёт,
- ²⁰ Соболею шубочкой пошумливает,
 Пухóвою шляпочкой помахивает,

* Первые трех стихов обыкновенно не поют.

** Прибавляется также: В печи не была, не высушена.

Сафьянны сапѳжки поскрыпывают*:

— Что ж ты, добрый мѳлодец, давно не пришел?

— Душа красна дѳвица, позамешкался:

С угрюмой женой побранка была,

Журила-бранила тебя и меня.

Тебя, мою душеньку, курвой назвала;

А я ее бил, бил, чуть живу пустил.

— Не бей, не бей, мѳлодец, угрюмой жены:

³⁰ С угрюмой женою тебе век вековать,

Со мной, красной дѳвицей, ночку почевать.

№ 21

Вдоль по улице по Шведской

В Слободе было Немецкой

Генерал-от немец ходит,

За собою девку водит.

Водил девку, водил немку,

Молодую иноземку.

Девка немцу говорила:

— Говори, радость, со мною,

Мы одни теперь с тобою,

¹⁰ Еще третий — высѳк терем.

Как поедешь, мой любезный,

Во царскую службу,

Заезжай, моя надежа,

В калинову рощу;

Ты сорви, мой друг, покушай

Горьку ягоду калину:

Каковѳ горька калина —

Таковѳ жите за старцем.

Иногда прибавляется:

Каковѳ жите за рѳвнем?

Какова сладка малина,

Таковѳ жите за рѳвнем.

№ 22

Как по селам спят, по деревням спят,

О полѳночи петухи поют,

Добрый мѳлодец домой идет,

Он в окошечко посматривает,

Посматривает, поговаривает:

— Аль спит жена, аль не спит жена?

* В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню:

Сказали про мѳлодца, будто бѳз вести пропал,

Сказали — удаленький в синем море утонул;

А нѳнѳче мѳлодец по улице прошел,

Любимую песенку шибѳко-громѳко просвистал.

Насвѳсточку свищет, голос в терем подает:

Услышала б дѳвица удалѳго мѳлодца,

Горела б у дѳвицы воску ярого свеча,

Ждала б красна дѳвица удалѳго мѳлодца.

— А что ж, добрый мѳлодец, давно не пришел?

¹⁰ — Душа красна дѳвица... — и пр оч.

ПЛАЧУЩАЯ КРЕСТЬЯНКА

Рисунок А. П. Лосенко (карандаш)
вторая половина XVIII в.

Частное собрание, Москва

Меня молодца дожидается,
 Журить-бранить собирается:
 — А долго ли тебе по ночам не спать.
¹⁰ По ночам не спать, до зори гулять,
 По чужим дворам, да чужим женам?
 Али я тебе опостылела,
 Опостылела-опротивела?
 Али мало тебе своей жены?
 Уж видать ли мне, чтоб поймали тебя,
 Чтоб поймали, притаскали, приговаривали:
 Не ходи, <...>, по чужим женам!
 У тебя, <...>, своя жена!

№ 23

Калина, малина!
 На заднем порядке
 Под горою три солдатки:
 Одна Настька, другá Машка,
 Как третья Наташка.
 Повадилась Наташка
 Во царев каба́к ходить,
 Зеленое вино пить,
 Целовальника любить:
¹⁰ — Целовальник молодой,
 Проводи меня домой
 По улице мостовой,
 По дорожке столбовой
 До кроватки тесовой,
 До перинки пуховой!
 На перине девица,

Лежит она, нежится,
Лицо разгорелось.
Чего захотелось?

- ²⁰ — Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладких яблочков,
Ни медовых пряничков, —
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрыпкою,
Мордвина с волынкою,
Холостова с дудками!
На бóлдинском на плоту
Мыла дэвица фату,
³⁰ Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала.
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил.
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-та скажет
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в попы!
⁴⁰ Как и что это за попок:
В сарафане без порток?

РУССКАЯ ПЛЯСКА

Цветная гравюра И. Когерета с рисунка Е. Карнеева

Из книги: «Les peuples de la Russie ou description des mœurs, usages et costumes des diverses nations de L' Empire de Russie...». Paris, 1812

№ 24

Авдотья вдовина
 По бережку ходила,
 Правой рукой махала:
 — А свет моя сторона, сторона,
 Никольская слобода,
 На ней тебе не бывать, не живать,
 Пивца, винца не пивать,
 Калачиков не есть!
 Злодей Ванька вор, победна голова,
¹⁰ Кличет Дуньку из ворот в огород:
 — Сорвём, Дунька, лопушок
 Под самый корешок;
 Сошьем Дуньке сарафан
 Китаичный голубой:
 Снурочик-ат — повилічная трава,
 А ниточки — ковылок, ковылок,
 А пугови — репеёк, репеёк.
 Где нї взялся таракан,
 Проел Дуньке сарафан
²⁰ Над самою над дырой.
 А, дядюшка Митрофан,
 Зашей Дуньке сарафан
 Китаичный голубой!

№ 25

Не летай, мой соловей,
 Поздно вѣчером один!
 Парень девушку любил,
 Колечушком подарил:
 Колечушко, сердечушко,
 Твой золотный перстенёк.
 Далекó милой живет
 Во матушке во Москве,
 Во Покровской улице.
¹⁰ Как пошли наши ребята
 В большú улицу гулять,
 Красных девок забавлять;
 Ах, все девки хороши,
 Разлапушки пригожи!
 Одна девка лучше всех:
 В косе лента шире всех,
 А другая голубая —
 Идет славушка худая,
 А третья со кистьми,—
²⁰ Бежит Дуня со вѣстьми.
 Как взял Дуню задор:
 Подняла в губы подол,
 Мимо окон, мимо стёкол,
 Мимо каменных палат
 К целовальнику в кабак:
 — Целовальник молодой,
 Отпирай новый кабак,
 Пущай малых ребят!

«ПРАЗДНЕСТВО СВАДЕБНОГО ДОГОВОРА»

Картина М. Шибанова (масло), 1777

Третьяковская галерея, Москва

№ 26

Уж как нѳнешние люди
 Они мѳлоды, лукавы,
 С измалѳнька вороваты;
 Не выдавши — много видят,
 Не слыхавши — много слышат.
 Как сказали про девицу
 Напраснѳю небылицу:
 Будто я, красна девица,
 Во всю тѳмну ночь не спѳла,
 10 В зеленѳм саду гуляла,
 Сладко вишенѳе щипала;
 (Показалось девке мало, —)
 Виноградом <до>бавляла,
 На белѳе блюдо клѳла,
 В итальянский плат вязала,
 За ворѳты выходила,
 Извозчичка нанимала,
 Извозчичка молодѳго,
 Неженатого — холостѳго:
 20 — Вези меня поскорее,
 Чтѳбы люди не видали,

Соседушки не слышали *,
 Мому батюшке не сказали **.
 Мой батюшка очень грóзен,—
 Посадил меня в темницу,
 Ни дверей нет, ни окошек,
 Одна труба, да малáя.
 Ах ты, батюшка родимый!
 30 Проруби ты мне окошко
 На правую на сторонку,
 Куда милый гулять ходит,
 Добра коня поить водит.

№ 27

ПЛЯСОВАЯ

Как нóнече куры
 Поют петухами,
 Ах, люшеньки, ай, люли! и т. д.
 Как нóнешни жёны
 Владеют мужьями.
 Я возьму мужа за ручку,
 Брошу на постелю:
 — Лежи, муже, тутá,
 Поколь схожу — кнута ***,
 10 Поколь схожу кнута,
 Железного прута.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

№ 28

Девушек созывают к невесте. Первая песня их:

Боже, благослови, Христос,
 Игру заигрывать;
 Игру весёлую,
 Свадьбу хорошую!

№ 29

Береза белая,
 Береза кудрявая,
 Куда ты клонишься?
 Куда поклоняешься?
 — Я туда клонюсь,
 Туда поклоняюсь,

* Поется также: не спознали.

** В некоторых песенниках:

Отцу, матери не сказали.
 Мой батюшка очень грóзен,
 Грозней того моя матушка:
 Не велит мне на улицу ходить,
 С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни.

*** т. е. схожу взять кнута.

Куда ветер повеет.
 — Княгиня душенька,
 Куда ты ладишься?
¹⁰ — Туда я лажуся,
 Куда батюшко отдаёт,
 С родимой матушкой.

№ 30

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестинной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчйстая коса
 Вдоль по улице шла,
 Жемчужная пчёлочка
 За нею гонялася,
 За нею гонялася,
 За косу хваталася:
 — Коса ты, косынька!
 Ужели ты моя?
 — Я тогда буду твоя,
¹⁰ Как в божью церковь вступлю,
 Золотой венец приму!

№ 31

Невесту ведут в баню; в девичник, накануне свадьбы:

Затопися, баненька,
 Раскалися, каменка!
 Расплачься, княгиня душа,
 По своей сторонущке,
 По родимой матушке,
 По родимому батюшке, и проч.

№ 32

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди итти?
 Что как будет назвать свёкра батюшкой?
 А как будет назвать свекровь матушкой? *
 Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
 Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день свадьбы девушки с пеньем одевают ее; потом сажает одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят ее посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идет невеста, крестясь, садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

№ 33

Собрала невеста подружек,
 Посадила подружек высоко,
 А сама села выше всех,

* т. е. стыдно

Наклонила головушку ниже всех,
 Думает думушку крепче всех:
 — Что долго нет Ивана?
 Мне посла послать — некого,
 Мне самой иттить — некогда.
 Я хотя пойду, — не дойду,
¹⁰ Я хотя дойду, — не найду,
 Я хотя найду его, —
 Позвать к себе не смею.

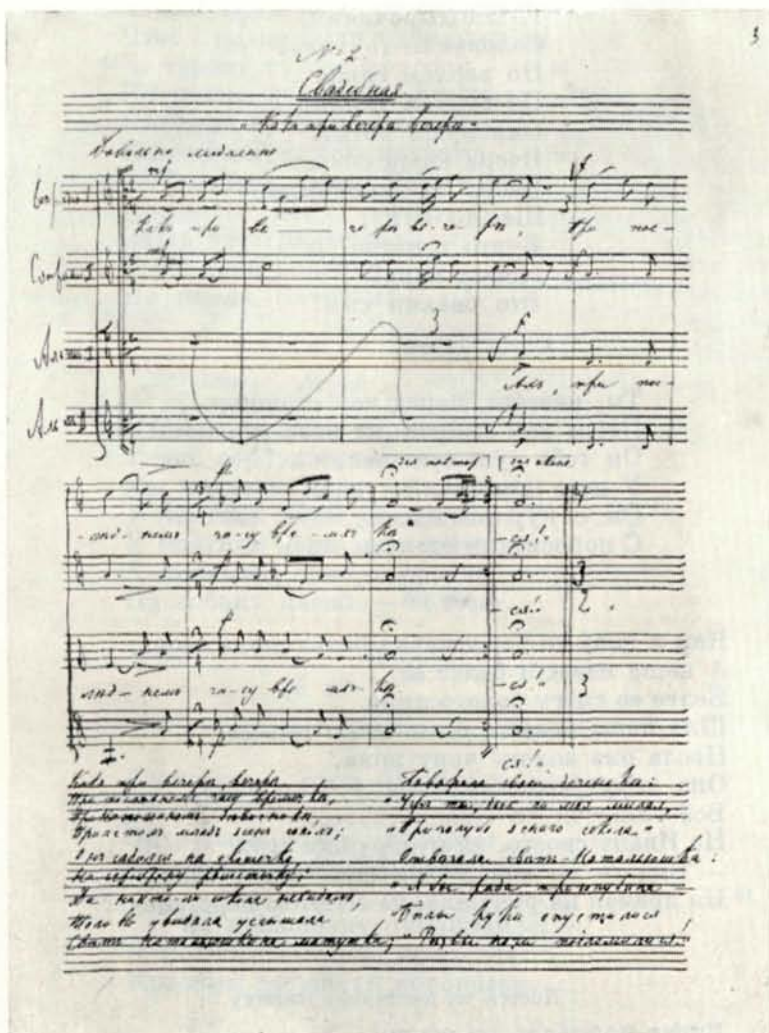
№ 34

Поется, если жених приехал издалеча:

Как при вечере, вечере,
 При последнем часу-времячке,
 При княгинином девичнике
 Вылетал же млад ясён соко́л;
 Он садился на окошечко,
 На серебряну решоточку,
 На шелко́ву занавесочку.
 Как увидела да ўзрела
 Свет княгинина матушка:
¹⁰ — Ты дитя мое, дитятко,
 Ты дитя, чадо милое!
 Приголубь ты ясного со́кола,
 Ясного со́кола залётного,
 Доброго мо́лодца заезжего!
 — Я бы рада приголубить его —
 Ско́ры ножки подломилися,
 Белы руки опустилися,
 Красота с лица сменилася.

№ 35

Мимо дворика батюшкина,
 Мимо те́рема матушкина,
 Пролежала тут доро́женька,
 Пробегал тут добрый конь,
 За конём бежит добрый мо́лодец,
 У ворот стоит красна девица.
 Как возго́ворит добрый мо́лодец:
 — Перейми коня, красна девица!
 — Мне нельзя перенять коня:
¹⁰ У меня травой ноги спутаны,
 Росой глаза замóчены.
 Возго́ворит добрый мо́лодец:
 — Не приманивай, красна девица:
 Не травой ноги спутаны,
 Не росой глаза замóчены, —
 Ноги спутаны кручинушкой,
 Глаза замóчены горячьмй слезми!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ «КАК ПРИ ВЕЧЕРЕ, ВЕЧЕРЕ...»

Обработка Н. А. Римского-Корсакова для женского хора

Автограф

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Опубликована в сборнике: «Русские народные песни, переложенные на народный лад для женского, мужского и смешанного хора без сопровождения». М., 1879

Текст песни, использованный композитором, приближается к пушкинской записи

№ 36

Про жениха, как взойдёт к невесте.

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош! —
Чёрт у него, не хорóшество!

Сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками.

Глаза дырочками.
 Соловьѣны-то глаза
¹⁰ По верхам глядят,
 По верхам глядят,
 Они каши хотят.
 Вчера каша сваренá,
 Вчера съедена была.
 Шея-то синя́,
 Будто в пѣтле была!
 Нос-от синь,—
 Это свахин сын!

№ 37

Ты, невеста, перед кем стоишь,
 Перед кем стоишь, на кого глядишь?
 Он тебе чуж чуженок,
 У него поросячий душок!
 Он с кúрами клевал,
 С поросятами едал!

№ 38

Как в долú-то берёзынька белёхонька сто́йт,
 А наша невеста белее ее,
 Белее ее снегу белого лицо.
 Шла наша невеста с высокóго терема,
 Несла она золотú чару вина,
 Она чару расшибла, вино всё пролила́,
 Всё гляючи на Ивану своегó,
 На Ивану своего, на кудéрушки его;
 — Видать ли мне, кудéрушки, вас у себя
¹⁰ На правой на рúчушке, на золóтом перстеньке?

№ 39

Поется на девичнике жениху.

Висит колыбель на шелкú,
 В колыбелке лежит князь молодой;
 Вскачните колыбель высокó,
 Вы столь высоко — выше клёну,
 Чтоб был виден тестев двор,
 Тестев двор, тѣщин терём.
 В этом теремú ходит-гуляет,
 Ходит-гуляет княгиня душа,
 Шёлковым платком помахивает:
¹⁰ — Ты сюда, сюда, молодой князь!
 Здесь твоя суженая, твоя ряженая!

№ 40

Во сырóм борú на кленú
 Висит колыбель на шелкú,
 В колыбели лежит Иванушко,
 Перед ним стоят бояры:
 — Вскачните колыбель высокó!
¹⁰ Столь высóко,— выше клёну стоячего,
 Ниже облака ходячего,

Чтобы видно было тестев двор,
 Чтобы видно было тещин терём!
¹⁰ В терему гуляет княгиня,
 По имени зовут её Катерина;
 Калёные орешки считает,
 Шитою ширинкою махает:
 — Ты сюды, сюды, Иван князь!
 Как здесь твое суженое,
 Здесь твое ряженое,
 Здесь твоя княгиня
 По имени Катерина.

№ 41

Мы все песенки перепели,
 У нас горлушки пересохли!
 Мы князьева пива не пивали,
 У княгини дары увидали,
 У княгини дары миткальны,
 А князьevo пиво — облива,
 На собаку льешь, — облёзет.

№ 42

Поется на девичнике.

Сватушка — гость богатый, тороватый,
 Он с гривны на гривну ступает,
 Он рублем ворóты запирает,
 Он полтиной ворóты отпирает.
 — Сватушко, догадайся!
 За мошоночку принимайся!
 В мошне денежка шевелится,
 Красным девушкам норовится.

№ 43

На девичнике свата корят.

Все песни перепели,
 Горлушки пересохли!
 А сватушко рыжий
 По берегу рыщет,
 Хочет удавиться,
 Хочет утопиться
 От красных девок,
 От белых лебёдок.
 Дари, дари девок!
¹⁰ Дари лебёдок!
 Не станешь дарить —
 Мы пуще корити!
 — Сватушко, догадайся!
 За мошоночку принимайся!
 В мошне денежка шевелится,
 Красным девушкам норовится.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НОВОБРАЧНЫХ ИЗ ЦЕРКВИ

Цветная гравюра К. Будеуса

Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820

№ 44

Бестолковый сватушко!
 По невесту ехали,
 В огород заехали,
 Пива бочку прѣлили,
 Всю капусту пѣлили.
 Верее молилися:
 — Верее, верееюшка!
 Укажи дорѣженьку
 По невесту ехать!
 10 — Сватушко, догадайся!
 За мошоновку принимайся!
 В мошне денежки шевелятся,
 Они к девушкам норовятся,
 А копейка ребром становится,
 Она к девушкам норовится!

№ 45

А у свата сводника
 Лихорадка с бѣлостью,
 Она с черной немочью,
 На печи — под шубою,
 На дворе — нагишкою!
 По морозу — босиком,
 Покрове* — нагишом!
 Ему чирий в голову,
 А другой в бороду,
 10 Третий в рѣчушку,
 Четвертый в нѣженьку!
 У сватушки кудри

* Вероятно, речь идет о позднем осеннем празднике — Покрове.— *Ред.*

На четыре грани,
Его черти драли,
Шу́ты полыска́ли,
По кучам таскали,
Братом называли.
Ты, сватушко, братец!
Дари, дари девок,
²⁰ Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити!

№ 46

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не еда́ть киселя!
Не бежать тебе луго́м,
Не дристать тебе гужом!

№ 47

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках ша́почки держати?

№ 48

Поется сироте.

Ты река ли моя, реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колы́хнешься,
На крутой берег не взбо́лнешься,
Желтым песком не возму́тишься!
— Отчего же мне возму́тишься?

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕВУШКИ НА КАЧЕЛЯХ

Цветная гравюра К. Будеуса

Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820

Ни дождя нету, ни вихорю:

— Ах ты, умная девица

(Такая-то)

¹⁰ Что сидишь ты, не улыбнешься,
Говоришь речи, не усмехнешься?

— Что чему же мне смеяться,
На что глядя, радоваться?

Полон двор у нас подвод стоит,

Полна горница гостей сидит.

Уж как все гости собралися,

Одногó-то гостя нет как нет;

Уж как нет гостя милого,

Могó батюшки родимого *.

²⁰ Снарядить-то меня есть кому,

Блáсловить-то меня нéкому;

Что снарядит меня родная мать,

Блáсловит меня чужой отец.

№ 49

Много, много у сыра дубá

Много ветвей и по́ветвей,

Только нету у сыра дубá

Золотыя вершиночки;

Много, много у княгини души

Много роду, много племени,

Только нету у княгини души

Нету ее родной матушки:

Благословить есть кому

¹⁰ Снарядить нéкому **.

№ 50

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, ведя под руки покровенную невесту.

Уже вéчер на дворе, вечерееется,

Уж красное солнушко за лес кóтится,

Что частыя-то звездочки высыпаются,

У меня ли, молодёшеньки, некрасованой

С моими ла́стущки-сестрицы, милыми подружки.

Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:

— Ты, сударыня, родимая матушка!

Не гулять у тебя прошуся, не красоватися,

Я развеить свою кручинушку великую.

¹⁰ Я пойду ль, молодёшенька, во чистó поле,

Я ударюсь, молодёшенька, о сыру́ землю;

А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:

— Ты раздайся ли, мать-сыра́ земля!

Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко! ***

* Если ж молодая сирота круглая, то поется:

Уж как нет гостей милых:

Моего батюшки родимого,

Моей матушки родимой.

** Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

*** Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

- Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
 На мою ли на смиренную на беседушку!
 Снарядить-то меня, горюшу, есть кому,
 А благословить-то меня некому.
 Мы взойдём-ка ли, сестрицы, в новые сени,
²⁰ Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
 — Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
 Неужли ж я, молодёшенька, тяжелёшенька
 С моим ластушкам-сестрицам, милым подружкам?—
 Тяжела моя великая кручинушка!
 Государыня, родимая матушка!
 Отвори-тка свой высёк терём,
 Не зноби меня, горюшу молодёшеньку,—
 Я и так, молодёшенька, назяблася.
 Я сяду, молодёшенька, под окошечком;
³⁰ Не летит ли мой кормилец батюшко?
 Мы пойдёмте-тка, сестрицы, вдоль по улице;
 Вы кладите-тка следочки частёхонько,
 Уливайте следочки горючьими слезьми.
 Опослё пойдёт родимая матушка:
 — Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
 Тут ходила, тут гуляла чадо милое!

№ 51

- О горе, горе!
 То невестино!
 О горе, горе!
 Ты, невестушка,
 О горе, горе!
 Ты, ластушка!
 О горе, горе!
 Оглянись-ко ты назад,
 О горе, горе!
¹⁰ Что подружек-то стоят!
 О горе, горе!
 Что подружки говорят,
 О горе, горе!
 Что наказывают,
 О горе, горе!
 Что приказывают:
 О горе, горе!
 — Ты спихни-ко худяка,
 О горе, горе!
²⁰ Ты с кровати долой!
 О горе, горе!
 — Вы, лебедушки,
 О горе, горе!
 Вы, подруженьки!
 О горе, горе!
 Мне нельзя спихнуть:
 О горе, горе!
 В головах-то у него,
 О горе, горе!
³⁰ Плетка шелковая,
 О горе, горе!

Она об осьми хвостов,
 О горе, горе!
 Она больно бьет,
 О горе, горе!
 Приговаривает:
 О горе, горе!
 — Не зови-ко худяко́м,
 О горе, горе!
 40 Зови добрым молодцом!

№ 52

Между гор по ка́менью
 Серебром ручей бежит.
 По тому по ру́чейку
 Ходила-гуляла княгиня душа,
 Искала княгиня душа
 Самоцветна ка́мушка.
 Нашла-нашла камушек,
 Нашла самоцветненький;
 Разломила камушек
 10 Его на́ три гра́ночки:
 Первую гра́ночку —
 Ее родну батюшке,
 Вторую гра́ночку —
 Родной ее матушке,
 А третью гра́ночку —
 Ладу милому.

№ 53

Поется, когда едут за невестой к венцу.
 Как у нашего князя
 Невесёлые ко́ни стоят;
 Они чуют путь-дорóженьку
 По невесту ехать.
 — Ах вы, девушки подруженьки!
 Уливайте * гору кру́тую,
 Чтобы моему разлучнику
 Ни взойтить-бы, ни взъехать!
 — Не грози, княгиня душа! **
 10 На крутúю гору пеш взойду,
 Добрá коня в поводú сведу.
 — Ах вы, девушки подруженьки!
 Запирайте вы ворóтечки,
 Что тремя замкáми немецкими!
 — Не печалься, княгиня душа!

* Или: «укатайте», смотря по времени года.

** Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
 Поведем мы коней в кузницу,
 Подкуем коней подковами,
 Подковами-то булатными.

Приведу я с собой слёсаря:
 Отопрет замки немецкие.
 — Ах вы, девушки подруженьки!
 Заплетайте косу русую,
 20 Чтобы моему разлучнику
 Не расплесть, не расчесать ее!
 — Не печалься, княгиня душа!
 Привезу с собою свáхынью:
 Расплетёт она косу русую,
 Увезем тебя с собой, душеньку!

№ 54

Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви.

Ягода с ягодой сокатилася!
 Ягода ягоде поклонилася!
 Ягода с ягодой слово молвила!
 Ягода от ягоды не вдали росла!

№ 55

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попу.

У попа у батюшки
 Золотá скуфёюшка;
 Низала скуфёюшку
 Его молодá жена
 (Такая-то)

КРЕСТЬЯНКА

Скульптура С. С. Пименова
 (фарфор Императорского завода)
 по рисунку А. Г. Венецианова,
 1830-е годы

Исторический музей,
 Москва

КРЕСТЬЯНИН
Скульптура
(фарфор завода Гарднера),
1820-е годы
Исторический музей,
Москва

Слышишь ли, батюшка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Мы хотим с тебя даров,
¹⁰ Даров великих, —
Две гривны зóлотом!

А поп отвечает: «Нáте, суки, возьмите в руки, не корите попа».

№ 56

Величают гостью как девушку, так и замужнюю.

Княгиня-душенька! *
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гóстейку!
— У меня свет гóстейка,
(Такая-то)
Во любви пóзвана,
Во честí посóжена,
Хорошо снаряжена:
Сережки — яхонты,

* Девушки обращаются к молодой.

¹⁰ Лицо разгорелось,
Монисты золоты
Шею огузили!
Слышишь ли, гостейка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих,—
Две гривны золотом!

№ 57

Величают холостого.

Князёк молоденький,
Лебедёк наш беленький! *
Скажи, пожалуй, нам
Про своего гостя нам!
— У меня свет гость дорогой,
(Такой-то)
Во любви он позванный,
Во чести посóженный
За дубовым столóм,
¹⁰ За браной скатертью,
Неженатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой, завистливый,
Его глаз урóчливый.
— Выйди, холóстенский,
Выдь к нам за завесу! **
Выбери, холóстенский,
Кто тебе покажется!
Слышишь ли, гость дорогой?
²⁰ Мы тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих,—
Две гривны золотом!

№ 58

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

— Вот вам, красные девушки!
Малое примите,
На большом не судите!
Денежки принимайте,
Пол поровняйте! ***

№ 59

Поется вдове.

Княгиня душенька!
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!

* Девушки обращаются к молодому.

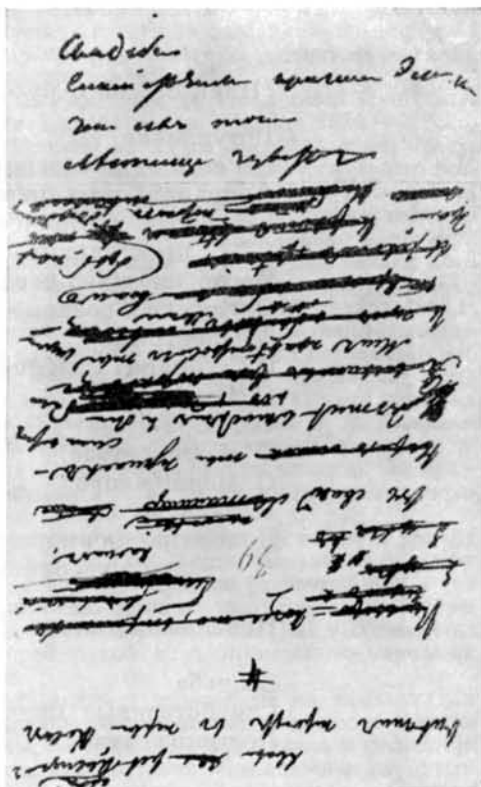
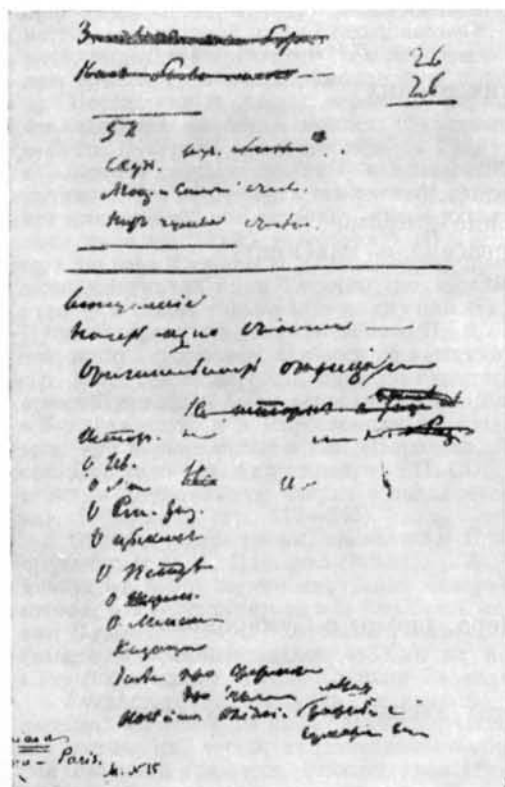
** Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.

*** т. е. попляшите.

— У меня свет гóстейка,
Молодая вдовушка,
Вдова мо́лодая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богомолилася
¹⁰ О своих о детушках.
Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом!

№ 60

По меду-мёду по пátочному
Плавала чáрочка серéбряная.
Кто эту чарочку пéренял?

ПЛАН СТАТЬИ А. С. ПУШКИНА О РУССКИХ ПЕСНЯХ, ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ
СБОРНИКА ПЕСЕН И. В. КИРЕЕВСКОГО

Автограф, 1833

Набросан среди перечня произведений и черновых строф «Путешествия Онегина»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Пёренял-пёренял князь государь,
 Подносил-подносил госпоже княжне:
 — Выкушай-выкушай, душа госпожа!
 Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
 Будто у нас середь ширёка двора
 Будто у нас расстилалась трава,
¹⁰ По травке гуляет павынька,
 Павынька-павынька княгиня душа.

№ 61

Тёща про зятюшку сдóбничала,
 Сдóбничала да пирожничала;
 Испекла пирог в двенадцать рублёв:
 Сóлоду, муки на четыре рубли,
 Ягодов, изюму нá восемь рублей.
 Тёща по горенке похаживала,
 Косо на зятюшку поглядывала:
 — Как тебя, зятюшку, не рóзорвало?
 Как тебя, зятюшку, не пёрервало?

П Р И Л О Ж Е Н И Е

<План статьи о русских песнях>

Вступление

Но есть одно в осно<ве>

Оригинальность отрица<...>

[Не историч<еские>, кроме
неск<ольких> пес<ен> о Раз<ине>]

Истор<ические> п<есни>

О Ив<ане Грозном>

О Мас<трюке>

О Ст<епане> Раз<ине>

О Цыклере

О Петре

О Шерем<етеве>

О Менш<икове>

Казацк<ие>

Далее про Фермора

про Сув<орова>

Новейшее влияние. Мера, рифмы с Сумарокова
etc.

Свадьба

Семейственные причины элегическ<ого> их тона
Лестница чувств.

Народные песни, записанные Пушкиным, сохранились в автографах и в списках, обнаруженных среди бумаг Киреевского в разное время разными лицами. Автографы находятся в ИРЛИ, ф. 244; списки — в ЛБ, ф. 125, и в ГИМе, ф. 56. Все записи сверены заново с первоисточниками, дополнены вновь найденными текстами и прокомментированы. Тексты песен, сохранившиеся в автографах Пушкина, сверены Р. Е. Т е р е б е н и н о й; ее наблюдения над разночтениями в текстах внесены в примечания.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

Впервые объединены М. А. Цявловским в РП, стр. 453—459 (тексты к печати подготовлены Т. Г. Зенгер-Цявловской). В Полное собрание сочинений Пушкина (Изд-во АН СССР) не вошли; в Полн. собр. соч. в десяти томах под ред. Б. В. Томашевского (изд. 2-е, АН СССР, М., 1957, т. III, стр. 409—415) помещены № 1—9.

В РП в связи с печатанием вместе пушкинского и восстановленного текста песен оказались невоспроизведенными, полностью или частично, некоторые характерные особенности записей поэта — пунктуация, прочерки при сокращениях, неправильное написание отдельных слов с большой или маленькой буквы и т. п. В настоящей публикации мы стремились к возможно более точной передаче записей. При переводе восстановленного текста песен в соответствие с современными орфографическими правилами сохранены некоторые орфоэпические особенности пушкинских записей, характерные для народной речи (-ой, -ова и др.).

№ 1—4. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 836, лл. 51 об.— 49 об. Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (третья масонская), начата с двух концов. Первые четырнадцать страниц с одного конца заполнены записью сказок, на стр. 15, вслед за окончанием «Сказки о мертвой царевне» начата песня о сынке Разина (см. факсимиле в настоящ. томе на стр. 184). Все записи сделаны, по-видимому, вслед за исполнителем, чернилами, наскоро. Этим объясняется, что начало каждой песни Пушкин успевает записывать почти полностью, потом сокращает слова, имена, числительные заменяет цифрами, сокращает стихи, пропускает повторы, оставляя свободными несколько строк. Но и при такой поспешности, характерной для полевых записей, Пушкин следит за особенностями народной речи, выделяя встречающиеся в псковском наречии диалектизмы: «пелегали — лелеяли», объясняет слова: «примоловили — пригласили» и т. п.

Песни, как и сказки, вероятно, первые из дошедших до нас записей Пушкиным произведений народной поэзии, сделанных в Михайловском в конце 1824 — начале 1825 гг. В первой половине ноября 1824 г. Пушкин писал из Михайловского брату: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице рус<ской> ист<ории>» (Пушкин, т. XIII, стр. 121). Около 9 декабря того же года в письме к Д. М. Шварцу поэт сообщал: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно» (там же, стр. 129). Наконец, 25 января 1825 г. Пушкин писал из Михайловского П. А. Вяземскому: «...покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяясь на лежанке и слушаю старые сказки да песни» (там же, стр. 135). Таким образом, судя по переписке, можно предположить, что именно в это время Пушкиным были записаны слышанные им сказки и песни. Записи эти остались в бумагах поэта и к Киреевскому не попали. Впервые опубликованы П. В. Анненковым: три первые песни в газ. «Порядок», 1881, № 11, 12 января, четвертая — в Собр. соч. Пушкина изд. Анненкова, т. VII. СПб., 1857, стр. 93 (первая пагинация). Впоследствии дополнительную сверку с подлинником провел В. Е. Якушкин («Русская старина», 1884, № 6, стр. 547—548).

Первые четыре песни, записанные Пушкиным, были обнаружены также в копиях среди бумаг П. А. Плетнева (ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 120). Копии сделаны на больших листах (in folio) четким писарским почерком с незначительными разночтениями в тех местах, где переписчик не мог разобрать подлинника. Здесь же находились стихотворения Пушкина «Песни о Степке Разине», переписанные Погодиным. Все в обложке из бумаги (с водяным знаком «1832»), на которой рукой В. А. Жуковского написано: «Народные сказки. Песня Степке Разин(а)».

Стихотворения Пушкина, датируемые 1826 годом и основанные на преданиях и легендах о Разине, не имеют сюжетного совпадения с записанными им песнями. Однако их поэтический строй, художественные образы, словарный состав близки к фольклорной песенной традиции. Впоследствии Пушкин неоднократно обращается к народным песням о Разине. Он упоминает их в «Путешествии Онегина». Две песни из сборника Новикова переводит на французский язык для Лёве-Веймара (см. В. К. А р х а н г е л ь с к а я. Источники русских народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык. — «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 340—343), отводит им место в планах по истории русской литературы. Наряду с летописями, «Словом о полку Игореве» и сказками, в наброске плана предисловия к сборнику песен Пушкин впервые относит песни о Разине к историческим, отделяя вместе с тем разинские песни не исторического содержания (см. приложение).

№ 1—2. Записи первых двух песен сделаны одним пером и чернилами, по-видимому, одновременно. Часть поправок сделана теми же чернилами, что и основной текст, часть — другими, более темными, позднее; две поправки сделаны карандашом.

В текстах записей исправлены отдельные погрешности предшествующих изданий: «Проявился» (вм. «Появился» в 10-томнике), восстановлено ударение в слове «нез^на^нмой», «нарозмашечку» (вм. «наразмашечку»; написание, возможно, отражает особенности сев.-зап. говора); «персидской» (вм. «персидский») и др.

Во всех публикациях в песне о сынке Разина в ст. 7 зачеркнутые Пушкиным слова читались «штабным офицерам», между тем в автографе ясно написано «штабам, офицерам». Наличие запятой исключает возможность описки и первоначального прочтения, введенного книжной традицией (вероятно, писцом при переписке — см. ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 120). Слово «штаб», «штабы» (а не «штабной офицер») встречается в других вар. песни (см. Исторические песни XVII века. М.—Л., изд. «Наука», 1966, стр. 160, 161, 166, 167 и др.). Поправка Пушкина в ст. 15 первой песни прочтена в РП — «А как стал воевода его спрашивать», Б. В. Томашевский в 10-томнике впервые ввел «А уж...». Графически последнее прочтение нам кажется более правильным.

Во второй песне исправлено написание ст. 8 — в РП слово «припечалился» напечатано с большой буквы, и не указано, что «хоз^зяин» — вставка. Получилось, что Пушкин вначале написал «Как наш хозяин», потом зачеркнул это и начал снова: «Припечалился хозяин». Между тем Пушкин вначале написал: «Как наш хозяин припечалился», потом зачеркнул первые три слова и только тогда после «припечалился» сверху вписал «хоз.» В РП и в ряде других публикаций начало ст. 10 второй песни — «Во неволюшке сидит» воспроизведено как отдельный ст. В 10-томнике восстановлено правильное чтение ст., которое приводится и здесь. В ст. 12 той же песни исправлено написание слов «Белу каменну тюрьму». У Пушкина оба прилагательные написаны отдельно, с окончанием на *у*. В РП напечатано «Белукаменну», в 10-томнике — «Белокаменну».

Поправки Пушкина, связанные с восстановлением первоначального чтения песен (замена губернатора на воеводу; штабов, офицеров на бояр государевых), не доведены до конца. Как и в 10-томнике, в восстановленном тексте мы везде даем исправленное чтение.

Песня о сынке Разина, записанная Пушкиным, принадлежит к одной из ранних среди известных в науке. Она разделена у него на две песни, отмеченные в рукописи чертой. О возможности бытования каждой из этих частей песни в отдельности свидетельствуют позднейшие записи, в том числе усвоение второго пушкинского текста (очевидно, книжным путем) оренбургскими казаками (см. М я к у т и н, стр. 18). Во времена Пушкина песня о сынке Разина не встречалась в сборниках, хотя другие песни разинского цикла были опубликованы у Чулкова, Новикова, Трутовского, Кашина. Однако позднейшие записи показали, что эта песня является самой распространенной из разинского цикла. В настоящее время насчитывается свыше 120 вар. ее, записанных по всей территории России и в некоторых областях Украины. Текст, записанный Пушкиным, обнаруживает большую близость к северным и верхневолжским вар., в которых чаще встречается измененное имя Разина: «Сенька» и чаще упоминается Кама-река (вм. Волги), как у Пушкина.

Песни № 3 и 4 написаны более темными чернилами и более тонким пером, чем предыдущие, очевидно, в другое время, позднее. Поправки в третьей песне сделаны одновременно с записью основного текста, поправка в четвертой песне — поздняя.

В третьей песне устранены неточности в передаче полевой записи в РП и ряде публикаций: ст. 15 — «Ты к тёщи», «я к матушки» (было — «к тёще», «к матери»); ст. 24 — «во полон взяли» (было «в полону»); в РП пропущен ст. 32 — «Ты скажи, скажи М^орьянинка»»; 16-й ст. песни публиковался с ошибкой — «а я к милым братьям», у Пушкина *а* нет.

В РП, в 10-томнике и в ряде других публикаций первое слово в 6-й и 8 ст. песни № 4 читается как «Мою жену». Между тем пушкинское написание больше похоже на сокращенное слово «мол <оду> жену» (начертание последней буквы в этом слове отличается от буквы *ю* в словах «за церковью, за немецкою» в ст. 1 песни). Словосочетание «молода жена» характерно для народной поэзии; Пушкин потому и не дописал слова, что оно было традиционным, понятным. В этой же песне восстановлено пушкинское написание слова «за воротички» в последнем ст. (везде — «за вороточки»).

Запись песни № 3 сделана бегло, текст был, очевидно, хорошо известен Пушкину, так как он встречается во многих песенниках того времени, в том числе имевшихся в его библиотеке (№ 421) — Чу л о в, I, № 135; (№ 73) — «Весельчак на досуге, или Собрание новейших песен». М., 1797, ч. I, № 170. Поздние записи подтверждают популярность баллады, в особенности на Севере Европейской России (только в сборнике А. Д. Григорьева приведено 11 вар.). Встречается и в других областях, на Украине и в Белоруссии. Обзор вар. по публикациям до 1937 г. дан у Астаховой «Былины Севера», стр. 553—555. Современные записи из Псковской обл. рассмотрены в работе: В. В. Ш м и д т. Новая запись песни «Разбойники и сестра». — Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, стр. 238—243. Дополнительно — К о т и к о в а (№ 17, 18). Черныпеву был известен вар., записанный в Болдине Нижегородской губ. (стр. 385). Содержание баллады обычно устойчиво, меняются лишь детали и заключительная часть. Вар. Пушкина один из ранних, относится к северной традиции, имеет характерные для нее зачин и концовку.

Последняя песня тетради № 4 — лирическая, семейная. Пушкин цитирует ее в письме к жене около 30 сентября 1832 г.: «Знаешь русскую песню: „Не дай бог хорошей жены, Хорошу жену часто в пир зовут...“» (Пушкин, т. XV, стр. 33). Близких вар. не было найдено, что дало повод Чернышеву утверждать, что песня сочинена Пушкиным (Чернышев, Slavia, стр. 590—593). Однако в народной традиции можно указать параллели к этой песне (НС № 1596). Кроме того, характер самой записи (объяснение слова «примолвили») и место ее в тетради Пушкина, как отмечает Цявловский (РП, стр. 460), lasciaют оснований гипотезу Чернышева.

№ 5. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 544, л. 4. Запись сделана карандашом в записной книжке, которую Пушкин брал с собой во время поездки в августе — ноябре 1833 г. на Урал. По предположению Цявловского, Пушкин мог слышать эту песню во второй половине сентября во время пребывания в Оренбургской губ. В «Истории Пугачева» (гл. II), рассказывая о движении войск Пугачева, Пушкин цитирует третий — шестой ст. песни в примечании к следующему тексту: «Иа Рассыпной Пугачев пошел в Нижне-Озерную. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому командантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам» (Пушкин, т. IX, кн. 1, стр. 18). К этому тексту дано примечание: «Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика. — Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.»

(Там же.)

Таким образом, Пушкин дает жанровое определение песни и раскрывает ее историческую основу.

В РП опущена интересная пушкинская поправка в песне № 5. В ст. 3 Пушкин вначале написал «Иа крепости Озерной», т. е. привел правильное название крепости, очевидно не расслышав ее своеобразной народной огласовки «из зерной» (выпадение «о» между «з» в процессе бытования песни); потом, стремясь к точности записи, зачеркнул «О», сверху вписал «из», а маленькое «з» на большое не исправил.

Первые 10 ст. впервые опубликованы И. А. Бычковым в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб., 1893, прилож., стр. 37 (Описание бумаг Краевского). Последние четыре ст. опубликовал Н. О. Лернер в газ. «Речь», 1910, 15 февраля, № 45. Новейшие исследования: Н. В. Измайлов. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — Сб. «Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной пушкинской конференции». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 266—297; см. также: «Пугачев в среднем Поволжье и Заволжье». Составила А. Н. Лозанова. Под ред. М. Н. Мартынова. Куйбышев, Облгиз, 1947. Кроме записи Пушкина, известны еще три вар.: из собр. П. М. Языкова (СС, в. 9, стр. 245—246), Даля (настоящ. том, стр. 449) и И. И. Железнова (Уральцы. Очерки быта уральских казаков. — Полн. собр. соч. И. И. Железнова, т. III. Изд. 3-е. СПб., 1910, стр. 166—168).

№ 6, 7, 8, 9. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 842, лл. 155 об., 154 об. Рабочая тетрадь 1830—1833 гг. Записи сделаны с обратного конца тетради, верхом вниз, между копиями стихотворений Мицкевича и переводом его баллады «Дозор» (у Пушкина «Воевода»). Один лист из тетради с песней «Не белинька березонька к земле клонится» (№ 8) вырезан и впоследствии был обнаружен среди бумаг Киреевского (там же, № 1609, л. 1). Все записи сделаны одними чернилами и одним пером, одновременно. Почерк быстрый, небрежный; есть случаи недописки отдельных букв внутри слов. В текстах песен исправлены отдельные неточности — «кинारेички» (в РП — «канареички»); «ружеец» (в РП — «ружеец», в 10-томнике «ружеец»), «горюшенька» (в РП и 10-томн. «горюшенька») и др.

По предположению Цявловского, записи сделаны Пушкиным во время путешествия на Волгу и в Оренбургскую губ., а по возвращении переписаны в эту тетрадь осенью 1833 г. в Болдине (РП, стр. 461). 17 января 1834 г. Киреевский писал Н. М. Языкову о Пушкине: «Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни одной не привез; по крайней мере мне не присылал» (Письма Киреевского к Языкову, стр. 59). Возможно, что эти песни и предназначались для Киреевского, чем и объясняется, что одна из них, по содержанию близкая к историческим песням, которыми в особенности дорожил Киреевский, оказалась в его бумагах. Впервые опубликованы: песня № 7 — Анненковым в газ. «Порядок», 1881, 12 января, № 11; песни № 6 и 9 — В. Е. Якушкиным — «Русская старина», 1884, № 8, стр. 328—329; песня № 8 была обнаружена среди бумаг Киреевского С. О. Долговым и напечатана в Собр. соч. Пушкина. Под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1910, стр. 76.

№ 6. Отрывок романа литературного происхождения, входившего в песенники первой половины XIX в. Наиболее ранняя публикация в «Новейшем песеннике». М.,

1810. В «Новейшем туалетном песеннике для девиц...». Орел, 1821, к тексту дано такое примечание: «Песня новая. На голос: „Я не думала ни о чем в свете тужить“». Обзор источников см.: Чернышев. *Slavia*, стр. 593—595.

№ 7. Распространенная народная песня из цикла семейных (Соб., т. III, № 484—490; *НС* № 1508; Шейн, в. 1, № 778—780; Истомин — Ляпунов, стр. 255 и др.). Вар. Пушкина, в котором первым сторожем назван родной батюшка, вторым — родная матушка, законченный. Но существуют более распространенная мужская и женская редакции песни, где герой или героиня молят тучу грозную убить громом-молнией сторожей: тестя и тещу или, соответственно, свекра и свекровь. С молодой женой милый друг обещает сам расправиться: кручинушкой иссушить ее, а девицу (обычно Машу) замуж взять. Песня типична для эпохи крепостничества, когда насильственные браки были обычным явлением, на что обращал внимание Пушкин (Пушкин, т. XI, стр. 255).

№ 8. Имеет распространенный зачин «Не белая береза к земле клонится», встречающийся в лирических, а также в солдатских и казачьих песнях, как в данном вар. В центре песни образ заблудившегося или оставленного молодца, изображенного очень рельефно, в черкеске с закинутыми назад рукавами, загнутыми полами, с турецким ружьем за плечами и посошком в руках. Пушкин внимательно записывал песню, обращая внимание на диалектные особенности произношения отдельных слов, подчеркивая, например, «погорушка» (вм. погодушка), «хурта выюга» и т. п. При записи он мог вспомнить известный ему по публикации А. О. Корниловича донской вариант этой песни («Русская старина на 1825 г.» СПб., 1824, стр. 272, № 2; приложены ноты), встречающийся также в песенниках («Новейший избранный песенник...». М., 1830, № 34). Ниже приводим самую раннюю публикацию напева по записи Кольбе:

Текст Пушкина ближе к уральским вар. (см. Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890, стр. 184; Соб., т. VI, № 328). Различия в обоих текстах незначительные, вар. Мякушина полнее только на три ст. Заключительные ст. в уральском сборнике читаются так:

Поднималась вдруг погодушка, с гор хурта-выюга,
Завосила у добра молодца путь-дороженьку,
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то добра молодца ко городу,
К тому ко городу незнакомому,
К незнакомому ко городу ко Яицкому.

Близость текста Пушкина к данному вар. подтверждает предположение о том, что он мог записать песню во время поездки 1833 г. на Урал. Тогда же, возможно, записана и следующая песня, № 9, особенно популярная в 1830-х годах, когда были введены ежегодные рекрутские наборы — одна из самых тяжелых повинностей. Близкие вар. встречаются также среди уральских записей в указанном выше сборнике Мякушина, у Железнова, в материалах Небольсина (Соб., т. VI, № 131—132), с незначительными различиями у Сахарова (Сказания, т. I, стр. 248, № 33). Ниже приводим напев уральского вар. (Железнов, стр. 73), с многочисленными текстуальными совпадениями:

№ 10. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1610, л. 1. Песня написана карандашом на листке почтовой бумаги с одной стороны. Листок вложен в двойной лист белой бумаги, на котором рукою П. Д. Голохвастова, передавшего рукопись в 1880 г. в Румянцевский музей, написано: «Автограф Александра Сергеевича Пушкина. Написано (сочинено или записано?) у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожденной Новосильцовой». Впервые опубликовано (текст и факсимиле) М. А. Цявловским в его брошюре «Два автографа Пушкина». М., 1914, стр. 14—16. Зачин очень характерен для хороводных, плясовых песен, близкий вар. — в сборнике Кашина в разделе «Песни плясовые и скорые». Текст Пушкина выгодно отличается от публикации Кашина, где он подвергся редактированию. Приводим напев по записи Кашина № 78.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ КИРЕЕВСКОГО

В предисловии к первой части «Русских народных песен», изданной в 1848 г., Киреевский писал: «А. С. Пушкин, еще в самом почти начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии» («Чтения», стр. V). Впоследствии со слов Киреевского об этом же сообщал Бартенев, который, кроме того, утверждал, что песни переписаны в тетради частью собственною рукою Пушкина, частью другою рукою и что Пушкин говорил Киреевскому: «там есть одна моя, угадайте!» (Рассказы о Пушкине. М., 1925, стр. 52—53).

Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях Ф. И. Буслаев, называя, однако, не тетрадь, а «пачку» песен, полученных Киреевским, и отмечая, что тот не мог решить загадки Пушкина («Вестник Европы», 1891, № 10, стр. 637). Передача песен Киреевскому состоялась не позднее 1833 г., о чем известно из письма Соболевского к А. Х. Востокову от 7 сентября этого года, в котором сказано, что Киреевский поделушал сам или получил от Языкова, Шевырева и Пушкина более тысячи повестей, песен и так называемых стихов (С о й м о н о в, стр. 180). Песни, полученные Киреевским от Пушкина, были скопированы на отдельных листах в 8-ю долю листа (писчего) с пометкой на обороте каждого листа «Пушк.», т. е. Пушкин. Кроме того, тринадцать свадебных песен переписаны были, очевидно, с этих листов в так называемые «Зеленые тетради» (названные так по цвету переплета), представляющие рукопись сборника свадебных песен, подготовленного Киреевским к печати. До сих пор записи Пушкина из архива Киреевского печатались, начиная со свадебных песен; данная публикация начинается историческими песнями и завершается свадебными. Такой порядок соответствует расположению песен, сделанному самим Пушкиным в наброске плана предисловия к сборнику песен (Приложение) и публикации текстов, сохранившихся в автографах поэта, также начатой с исторических песен.

Песни впервые опубликованы: 11 — СС, в. 10, № 3; 12 — там же, в. 5, № 7; 13, 20, 21, 25 — М. Н. С п е р а н с к и й. К истории песен, собранных А. С. Пушкиным. М., 1913, стр. 5—8; 14, 15, 27, 32, 36, 37, 41—50, 54—60 — НС №144, 153—169, 2556—2559, песня 46 без номера — в. 1, стр. LXXII; 16—19, 23, 24, 26 — Н. О. Л е р н е р. Новотворенные пушкинские записи народных песен. — «Речь», 1912, № 28, 29 января; 22 — П. Д. У х о в. Загадка Пушкина. — «Москва», 1961, № 1, стр. 213—214; 28 —

публикуется впервые; 29—31, 33, 38—40, 51—53, 61 — М и л л е р, № 1, 3—12; 34 — «Русская беседа», 1857, кн. 6, стр. 26—27; 35, 60 (2-я копия) — Н. Н. Т р у б и ц ы н, Народные песни, записанные Пушкиным. — ПС, в. XV, 1911, стр. 139—142.

№ 11. ЛБ, ф. 125, п. 51, л. 2050. Копия в $\frac{1}{8}$ д. л. была обнаружена нами среди рукописей, отобранных П. А. Бессоновым для десяти выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским», переплетенных в картонный переплет (in folio); в таком виде прошла типографский набор. Факсимиле рукописи опубликовано (С о й м о н о в, стр. 152, вклейки № 2, 3), там же ее описание и анализ правки Бессонова, готовившего это издание. Пометка Киреевского на обороте рукописи — «Пушк.» Бессоновым зачеркнута, однако она легко читается. Кроме того, Бессонов расшифровал ее, указав, что песня записана Пушкиным. По времени записи пушкинский текст песни об Аракчееве является одним из первых. Исполнение ее преследовалось властями. Единственный вар., записанный в те же годы в Петербургской губ., близкий к пушкинскому, точно не датируется («Русская старина», 1887, № 1, стр. 76). Имеет своеобразный зачин, заимствованный из исторической песни о кн. Гагарине. С таким зачином известна преимущественно в Поволжье. Это дает основание предполагать, что Пушкин записал ее в Болдине в 1830—1834 гг.

№ 12. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 78 (по первоначальной нумерации — 111). Так же, как и предыдущая, была обнаружена нами в папке «Старой серии», подробно описанной выше (СС, в. 5, стр. 128—163). Наиболее полное собрание вар.: Соб., т. I, № 25—45, 47. Текст Пушкина является одной из ранних записей, исполнение баллады преследовалось, публикация была запрещена. См. об этом прим. к тексту, записанному Кольцовым (настоящ. том, № 1); Ч е р ы ш е в, № 38—41; Б а л а ш о в, стр. 153—154; Elsa Mahler, № 137.

№ 13. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1703. Поздняя баллада, встречается в песенниках конца XVIII — начала XIX в. Наиболее близкие вар. из Средней России и Поволжья: *НС* № 1698, 1725; Соб., т. I, № 126—129. Упоминание Алатья — уездного города Симбирской губ. — встречается в ряде других песен балладного характера: *НС* № 2418, 2422, что дает основание относить вар., записанный Пушкиным, к Поволжью и считать, что запись сделана в Болдине. Разбор сюжета: Ч е р ы ш е в, стр. 440—441; Б а л а ш о в, стр. 389—390. Известна на Псковщине: К о т и к о в а, № 14.

№ 14—15. Печатаем оба текста по первой публикации Киреевского. В ГИМе удалось обнаружить только списки с первоначальных копий, которые, возможно, утрачены. Списки сделаны на листках того же формата, на обороте первого из них написано внизу чернилами: «Пушкин»; на обороте второго: «Рукой П. В — ча Пушк.» «П. В — ча» означает Петра Васильевича Киреевского. В этих списках с копий есть разночтения в сравнении с первой публикацией, принятой нами за основной текст. В № 14, ст. 10, в списке «жалобнехонько» вм. «жалобненько»; в № 15 первое слово в первом ст.: «Ивушка» вм. «Девушка», что, несомненно, описка. Песня № 14 отличается социальной заостренностью, яркими художественными образами, отразившими тяготы солдатской службы в николаевской армии, а потому была запрещена к публикации. Песня № 15 в данной редакции — бытовая солдатская, встречается в песенниках того времени, например, у Кашина, кн. II, № 9. Вар.: Соб., т. IV, № 805—813. Приводим напев по записи Кашина:

№ 16. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4778. Ранняя публикация: К а ш и н, кн. II, № 7, Соб., т. I, № 5—9; *НС* № 1256, 1811, 1880. Обзор вар. «Песни Пивнежья», т. II, № 68. Бугославский указывает близкий вар. позднейших записей: К о л о т и л о в а, № 34; К о т и к о в а, № 75, 76.

№ 17—19. ЛБ, ф. 125, п. 10, лл. 2756, 2772, 2773. Песни лирические, семейные, отнесены Киреевским в раздел «Элегии», куда он отбирал песни о несчастной любви, о неладах семейной жизни, порожденных насильственным и неравным браком. Такие песни привлекали внимание Пушкина, который в наброске плана статьи отметил «семейственные причины элегического их тона» (Прилож.). В «Истории села Горюхина» Пушкин писал: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение четырех или пяти лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено» (Пушкин, т. VIII, кн. I, стр. 136). Как видим, описание быта горюхинцев может служить комментарием к песням № 18—19. Эта же тема получила отражение в сти-

хотворениях «Соловей» («Песни западных славян»), «Уродился я, бедный недоносок...» Произведения очень близки к народной песне, текстуально совпадающей с ними.

Песня № 18 носит на себе следы литературной обработки отдельных строк, что послужило предметом для дискуссии о ее происхождении. Н. О. Лернер относил ее к оригинальным произведениям Пушкина (Пушкин. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. VI. Пг., 1915, стр. 242). Его взгляды разделял Б. В. Томашевский, который в статье «Генезис „Песен западных славян“» писал, что «десять первых стихов записи и три последних — результат литературной обработки народной песни» (Б. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 87). Возражал Лернеру М. Н. Сперанский (ПС, в. XXXVIII—XXXIX, стр. 97), и его аргументацию разделял М. А. Цивловский (РП, стр. 451). Вар. к песне указал В. И. Чернышев в статье «А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, в. 2, 1948, стр. 159—164). Материалы, приведенные у Чернышева, рассмотрела и дополнила Т. М. Акимова в статье «Пушкин о народных лирических песнях» («Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 50—55). Сопоставляя найденные вар. (Чулков, ч. III, № 114; Соб., т. III, № 553—567; Шейн, в. 1, № 858—864; НС № 1763) с песней и фрагментом стихотворения «Уродился я, бедный недоносок...», Акимова приходит к выводу, что песня «производит впечатление дальнейшей обработки народно-песенной темы, привлечшей внимание Пушкина, в то время как „фрагмент стихотворения“ — скорее можно признать записью народной песни, а не самостоятельным творчеством поэта» (стр. 54).

Песня № 19 не вызывает сомнения в ее принадлежности к народной традиции. Вар.: Соб., т. III, № 516—522, наиболее близкий псковский вар. — № 518, что дает основание относить запись песни к Михайловскому. Песня № 17 встречается сравнительно редко, вар.: НС № 2666.

№ 20. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 1944. Переписана рукой Киреевского; ему же принадлежат все примечания. Текст оригинальный, кроме первых строк начала песни, широко известной под названием «Лучинушка». Пушкин обращается к этой песне в неоконченном стихотворении «В поле чистом серебрит...» (Пушкин, т. III, кн. 1, стр. 307). Как и предыдущие, посвящена семейным отношениям в крепостной деревне. Вар.: НС № 1453, 1654; Соб., т. II, № 557—559; т. III, № 588; т. VII, № 760; Линева, в. 2, стр. 30. Первая публикация с напевом — Кашин, № 18, — приводится ниже:

Обычно сюжет завершается появлением молодца. В пушкинском тексте дан логический финал-диалог, после которого идет новая песня с таким же окончанием, как и «Лучинушка». Песня «Сказали про молодца, будто не жив, не здоров» напечатана у Кашина (№ 53) с добавлением финала из другой песни о девице-обманщице, напев которой приводим:

№ 21. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2079. Переписана рукой Киреевского, его же примечание, из которого видно, что тематически песня относится к тому же циклу, что и предыдущие. Сперанским указаны вар. и опубликован наиболее полный и ранний из них, обнаруженный в рукописном сборнике середины XVIII в. (ПС, в. XXXVIII-XXXIX, стр. 99). Другие вар.: Т е р е щ е н к о, т. VII, стр. 204; Соб., т. II, № 365—370; Ш е й н, в. 1, № 410—411, последний, записанный в Тульской губ., наиболее близкий к пушкинскому.

№ 22. ГИМ, ф. 56, п. 112-б, л. 627, почерк Киреевского; л. 628 — вторая копия неизвестной рукой. В обеих копиях на обороте «Пушк.». Найдена П. Д. Уховым, который высказал предположение, что песня могла быть написана Пушкиным. Однако он же указал отдаленный вар. к песне среди записей П. И. Якушкина («Москва», 1961, № 1, стр. 213—214).

№ 23—24. ЛБ, ф. 125, п. 6, лл. 2045, 1988; № 25. Там же, п. 7, л. 2119; № 26. Там же, п. 19, л. 4777; № 27. ГИМ, ф. 56. В первых и последующих публикациях наблюдаются незначительные отступления от копий, с которых они публикуются.

Песни путочные, плясовые записаны, по-видимому, в Болдине. № 23 встречается в песенниках, в том числе имевшихся в библиотеке Пушкина (№ 81): «Всеобщий российский песенник, или Новое собрание лучших всякого рода песен...», ч. I. СПб., тип. Ив. Глазунова, 1810, стр. 97, № 92. Обычное начало песни: «Из-под дуба, из-под вяза» с припевом: «Ой, калина, ой, малина!» (Соб., т. IV, № 638—644). Текст значительно варьируется; данный вар. имеет локальную приуроченность, как видно из следующей строки «На болдинском на плоту...» и упоминания «татарина с скрылкою», «морвина с волюнкою», что характерно для поволжской традиции. К местной традиции относятся две следующие песни № 24, 25, хотя они известны в общерусском репертуаре (Соб., т. VII, № 260—270; *НС* № 1595). Песня № 26 часто встречается в песенниках первой половины XIX в., в том числе в указанном выше глазуновском песеннике, находившемся в библиотеке Пушкина. Однако, как и во всех других случаях, запись Пушкина сохраняет следы устного бытования песни (Соб., т. II, № 95, 96).

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни, записанные Пушкиным, скопированные на 1/8 д. л., находящиеся ныне в разных папках, были в свое время объединены в одну общую коллекцию. Об этом позволяют судить обнаруженный нами среди бумаг Киреевского список песен, озаглавленных: «Содержание свадебных песен, находящихся в моем собрании». Здесь в порядке номеров впервые упомянуты многие песни, записанные Пушкиным. Они занесены в список по следующей системе: номер по порядку, первая строка песни, одна-две строки из текста песни, раскрывающие ее содержание. Например:

XVI Береза белая,...
Куда ты клонишься?
Куда ветер несет
XXII О, горе, горе!..
Ты спихни-ка худяка!..
Мне нельзя спихнуть!..—

В соответствии с этим списком все песни, вошедшие в него (не только записи Пушкина), переписанные на отдельных листах, были подобраны Киреевским по вариантам и вложены в обложки из бумаги того же формата, на которых записаны: порядковые номера и соответствующие строки песни, как в списке. Подбирая по этой системе варианты, Киреевский занимался сличением их и подготовкой сводных текстов.

Иначе представлены пушкинские записи в «Зеленых тетрадах» (ЛБ, ф. 125, п. 26, 27). Эти тетради являются сборником свадебных песен, подготовленным Киреевским к печати. Первая тетрадь имеет титульный лист: «Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть I. Песни свадебные». В ней 200 листов (формата большого почтового листа), на них переписано 100 песен, пронумерованных римскими цифрами. И 12 песен — без номеров в качестве вар. Около половины всех песен переписаны самим Киреевским, им же сделаны все примечания. Рукопись процензурована 5 марта 1838 г. И. М. Снегиревым. Вторая тетрадь того же формата имеет 287 листов, в нее переписана 141 песня, они не нумерованы, так как работа над этой рукописью не была завершена. Трудно указать, какое количество текстов из пушкинского собрания песен было использовано Киреевским для этого сборника, но записей самого Пушкина в первой тетради семь (две на отдельном листе), во второй — шесть. Все тексты подготовлены к печати, поставлены ударения, многие снабжены краткими примечаниями. В рукописи встречается несколько сводных текстов, куда вошел также один пушкинский вар. Сборник, подготовленный Киреевским, остался не напечатанным. Отпечатано было только несколько листов, отдельные страницы сохранились в архиве, в том числе страница с одной песней, записанной Пушкиным (см. № 39 — 40). Работа Киреевского представляет большой интерес для истории пушкинских записей. Он начал составлять этот сборник, основываясь в значительной степени на материалах, собранных и частично подготовленных Пушкиным и С. А. Соболевским.

№ 28. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 611. Публикуется впервые. Обнаружена П. Д. Уховым. В копии явная описка: «ижу» вместо — «игру». С таким началом известны песни-заклинания, оберегающие свадьбу от нечистой силы. См. *НС* № 125, 496; Шейн, в. 1, № 1748, 1788, 1825, 1827; Котикова, № 117. Первый из указанных вар. записан Д. П. Ознобишиным в Торопецком у. Псковской губ. Киреевский, вероятно, не собиравший публиковать этот небольшой текст, поэтому его нет ни в списке свадебных песен, ни в «Зеленых тетрадах».

№ 29. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 637, и п. 26, л. 10. В списке под № XVI; то же на обложке, куда вложена первая копия, где она названа «Сватебная». Публикуется этот текст. В первой «Зеленой тетради», № 4, читается так:

Берёза белая!
Берёза кудрявая!
Кудá ты клóвнишь?
Кудá поклоняешься...

В ст. 4 снизу к слову «ладисься» сделано примечание: «Ладиться — идти замуж; вероятно, от древнего слова *ладо* — муж, которое еще часто встречается в народных песнях во многих концах России». В конце текста в скобках написано: «Доставлена от А. С. Пушкина». К этому дано такое примечание: «Покойный А. С. Пушкин доставил мне 50 №№ песен, которые он с большой точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, где именно. Вероятно, что [эти песни записаны им в его имени] он записал их у себя в деревне, в Псковской губернии». Слова, поставленные в скобки, были зачеркнуты, вместо них то, что написано дальше.

№ 30. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 780, и п. 27, л. 27. В списке под № CXI, тоже на обложке, куда вложена первая копия, которая публикуется. Во второй — «Зеленой тетради» (п. 27), переписана Киреевским, им же расставлены ударения, как в предыдущей песне, в ст. 7 слово «косынька» исправлено: «косонька», в пояснительном тексте вм. слов «носит его» — «носит блюдо» и вм. «называют» — «называется». К тексту сделана сноска: «1. Примечание А. С. Пушкина», и в конце в скобках: «Доставлена от А. С. Пушкина». Указание на то, что примечание принадлежит Пушкину, очень ценно, так как это, очевидно, может быть отнесено к примечаниям, которые сопровождают другие песни, не вошедшие в «Зеленые тетради». Близкий вар., но более полный, записан Бугославским от 76-летней сказительницы С. Е. Кутерики, проживающей в Петровском (в трех км от Михайловского), напев этого вар. приводим ниже:

Умеренно медленно

См. также Сахаров, т. VII, стр. 460; Сахаров, Сказания, стр. 145; Дашков, стр. 196; «Русский филологический вестник», 1892, № 3, стр. 77.

№ 31. Две копии: ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 672; п. 26, л. 72. В списке под № XXXIII-B, то же в первой копии, которая вложена в бумажную обложку вместе с другим вар., записанным Киреевским в 1833 г. в дер. Воронки Звенигородского у. Московской губ. (*НС* № 338). В первой «Зеленой тетради» переписан вар. Киреевского, и к нему в качестве дополнения текст Пушкина со следующим примечанием: «В отрывке, доставленном мне от А. С. Пушкина, вместо первых четырех ст. поется следующее: „Затопится, баненька“...» Далее следует весь пушкинский текст, кроме последних слов: «и проч.». Широко распространенная песня, этим и объясняется, очевидно, что Пушкин не дописал ее до конца. Встречается в песенниках начала XIX в.: «Веселая Эрата», № 123; Сахаров, т. III, стр. 510; Терещенко, т. II, стр. 199; *НС* № 128, 283, 291, 358, 397, 419, 517, 600, 692, 829, 877; Якушкин. Русские песни, стр. 231; Шейн, в. 1, № 1721, 1856, 2170; Римский-Корсаков, № 89; Elsa Mahler, стр. 37, № 16.

В настоящее время известно несколько новых записей этой песни: в Псковской обл.: Бугославский, стр. 188, дер. Зимари; Котикова № 111, 225, 242, 246. Во всех записях начало очень близко к пушкинской версии. Приводим напев по записи Бугославского, наиболее близкий по тексту:

[Медленно]

№ 32. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 777. Переписано в строку рукой Киреевского, стихотворный текст подчеркнут. Свадебное причитание, отрывок.

№ 33. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 738; п. 27, л. 72 об. Обе копии переписаны Киреевским. В «Зеленой тетради» его примечание: «Доставлена от А. С. Пушкина. Сходство с №... заставляет думать, что здесь две смешанные песни». У Миллера подобор вар., сделанный А. В. Марковым, из них наиболее близкий в «Этнографическом сборнике», I, 1853, стр. 357. Встречается в песенниках XVIII — XIX вв., см. «Российская Эрата», кн. V, № 229. Бугославский обращает внимание на близость первых шести ст. к северным вар. (Д а ш к о в, стр. 21; Р ы б н и к о в, стр. 388—389) и указывает, что песню знала 70-летняя крестьянка М. Е. Иванова, но записать от нее не удалось.

№ 34. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 636; п. 26, лл. 40—41 — дана в сводном тексте, сначала в разночтениях, а с 13 ст. в качестве основного. Нами публикуется первая копия как основная в отличие от публикаций: Миллер, № 2; РП, стр. 421; П у ш к и н. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. III, изд. 2-е, стр. 417—418, № 6, где 15—17 ст. взяты из сводного текста. Принадлежит к песням, к которым обращался Пушкин при создании «Русалки». В ранней редакции сцены «Светлица» (П у ш к и н, т. VII, стр. 335) есть строки, которые можно сопоставить не только с песней, записанной Пушкиным, но и с другими текстами корреспондентов Киреевского, например, П. И. Якушкина:

Запись Пушкина

Как увидела да узрела
Светкнигинина матушка:
Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!..

Запись Якушкина

Дитя ль мое, дитятко,
Дитя, чадо милое!
Что ходишь невесело,
Головку повесило.

«Русалка»

Княгиня, книжиношка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повесила?

Марков указывает 14 вар. по публикациям до 1895 г. (М и л л е р, стр. 62); Бугославский называет наиболее близкие вар.; у Римского-Корсакова, № 72, и Пальчикова, стр. 198. Наибольшие текстологические совпадения дает запись Римского-Корсакова, которому сообщила песню Анна Николаевна Энгельгардт. Ниже приводим эту запись:

Andantino

Как при ве-че-ре, ве-че-ре
при по-след-нем ча-су вре-меч-ке,
при по-след-нем ча-су вре-меч-ке,
при На-таль-и-ном да-виш-ни-ке.

№ 35. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 748; п. 27, л. 38 об. В списке под № CX, вложена в обложку под тем же номером вместе с тремя вар. В «Зеленой тетради» в сводном тексте вместе с вар. из Симбирской губ. имеется следующее примечание Киреевского: «Два варианта: А) Доставлен от А. С. Пушкина, В) Записан в Симбирской губ. Первый принят за текст». До сих пор публиковался текст из «Зеленой тетради»; впервые Трубицыным — РС, в. XV, стр. 133—140. Мы публикуем первую копию, переписанную рукой Киреевского, идентичную копию из сводного текста. Вар., подобранные самим Киреевским, опубликованы: НС № 145 в разночтениях, а также № 122, 986. Бугославский отмечает, что песня была известна в районе Михайловского, но исполнительница не могла припомнить текст.

№ 36. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 582 «Свадебная ХLI». Принадлежит к песням, в которых девушки корят жениха, желая получить от него подарки: НС № 181; Ш е й н, в. 1, № 2291, 2348. Бугославский отмечает популярность песни на Севере европейской России, см. К о л о т и л о в а, стр. 18—49.

№ 37. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 581. В списке под № XL, вложена в обложку с тем же номером «Свадебная». Принадлежит к той же группе песен, высмеивающих жениха, что и предыдущая.

№ 38. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 796, в обложке с № CLIX «Свадебная»; п. 27, стр. 113, с примечанием: «Доставлена от А. С. Пушкина». Величальная жениху.

№ 39—40. ЛБ, ф. 125, п. 4, лл. 706, 707. Первая песня вложена в обложку с цифрой «LXXXVII» и ниже 5, что означало, по-видимому, пять вар., которые не сохранились. Обе песни названы «Свадебная». Вторая копия на отдельном листе, вложенном в «Зеленую тетрадь», п. 26, где обе песни соединены в один сводный текст, имеющий № CLXXXIV. Этот лист напечатан в типографии, очевидно, в качестве пробного для сборника свадебных песен, который готовил Киреевский. Находится в том же фонде (п. 50, л. 1737). Впервые публикуем наиболее ранние копии (п. 4, лл. 706, 707), где ст. 1 песни № 40 читается иначе, чем в сводном тексте: «Во сыром бору...» вм. «В сыром бору». Копии по сводному тексту у Миллера, № 11—12 (прим.) и Трубицына, давшего анализ текста, стр. 142—144. Вар. подобраны у Миллера Марковым, стр. 63; разбор песни у А. А. Потебни («Объяснения малорусских и сродных народных песен»). Варшава,

1883, стр. 201; близкие вар. с напевами в сб. Прокунина — Чайковского (№ 15, 16).

№ 41. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 579, «Сватебная. XXXVIII». Начало этой песни, совпадающее с началом песни № 43, использовано в «Русалке», в сцене «Княжеский терем» в словах свата: «Али все песенки перепели? Аль горлышки от пеня пересохли?»

№ 42 — 45, 47. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 596—599, 608. В списке и на обложках №№ LIV—LVII, LVI. «Сватебные». Группа корильных песен; приурочение первых двух к девичнику условно (на девичнике свата не бывает). К этой же группе относится № 46, п. 11, л. 292б, помещенный Киреевским из-за нецензурного слова в папку «Лакейские и нехорошие». Песня № 44 цитируется в «Русалке» в сцене «Княжеский терем» — хор девушек. Варьируется лишь конец песни, и в середине есть ст., очевидно пропущенный в копии Киреевского. Читается так: «Всю капусту полили, Тыну поклонилися, Верее молилися...» Четыре последних ст. в № 42—43 совпадают дословно, песня № 44 несколько варьирует те же ст.; варьируются они и в тексте, приведенном в «Русалке». Очевидно, все эти записи были сделаны Пушкиным от одной исполнительницы, хорошо знавшей обряд. Ранние публикации аналогичных песен: Сахаров, т. III, стр. 289—294. Вар. у Бугославского (неполные) от разных исполнительниц, стр. 185.

№ 48—50. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 550, 553, 555 с номерами на обложке: CL — CLV. Первая публикация Киреевского, как и последующие, сделанные с нее, не воспроизводит всех языковых особенностей текста. Например, песня № 48.

В рукописи

Напечатано

Ст. 19	Могó батюшки	Моего батюшки
Песня № 49:		
Ст. 2	ветвей и по́ветвей	ветви паветвей

Все три произведения объединены общей темой — сиротство невесты. Пушкин приводит отрывок подобной песни в «Капитанской дочке» в гл. XII «Сирота» в качестве эпиграфа. В этой песне, как и в публикуемых записях, общим местом являются следующие строки: «Снарядить-то ее некому, Благословить-то ее некому». № 48 является свадебным причитанием, текст которого, как видно из примечания к 19 ст., может варьироваться, стихи заменяются и другими, импровизированными. Отрывок такого причитания, близкий к пушкинскому тексту, см. Бугославский, № 49. Распространенная песня, вар.: *НС* № 302, 346, 409, 414, 466, 585, 898; Рыбников, стр. 363; Лядов, № 12; Шейн, в. 1, № 1711, 1864. Встречается также в свадебных причитаниях: Русские плачи, стр. 236; вар. *НС* № 8, 28, 353; Дашков, стр. 210.

№ 51. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 670; п. 26, л. 78. В списке № XXXII, вложена в обложку с тем же номером «Сватебная»; в «Зеленой тетради» № XXXIX примечание: «Доставлена от А. С. Пушкина». Копии идентичны, но во второй — всюду проставлены ударения («О горе, горе! То невестино...» и т. д.). Лирическая свадебная песня, которую исполняют девушки, посвящена будущей жизни с нелюбимым мужем. Близких вар. пока не обнаружено.

№ 52—54. ЛБ, ф. 125, п. 4, лл. 797, 694, 795. Переписаны рукой Киреевского, первый и третий тексты имеют номера: CLXII и CLIX. Все три текста в «Зеленых тетрадах»: п. 27, лл. 201, 173; п. 26, л. 127. Под каждым текстом рукой Киреевского написано: «Доставлена от А. С. Пушкина», им же сделаны примечания к песне № 53. Бугославский записал близкий вар. к началу песни № 52 (стр. 187) с напевом:

№ 55—57, 59. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 609, 602, 603, 604. Каждая песня названа «Сватебная», первая № LXVII, три остальных и в списке и на листах под № LX—LXII. Во всех текстах, где стоит: «(такой-то)», «(такая-то)», эти слова зачеркнуты и сбоку карандашом написаны имена и отчества; сделано это, очевидно, позднее. Имеются незначительные различия с публикациями. Все четыре песни величальные, свадебные, обращенные к разным лицам, начиная с поа, и заканчиваются требованием подарка, причем последние ст. всех четырех песен текстуально совпадают.

№ 58. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 603 об.— Ответ холостого, с которым он обращается к девушкам, поднося им подарки. Начиная с первой публикации (*НС* № 157), этот текст выделен особо. Бугославский записал величальные песни, но приводит только начальные ст. (стр. 189).

№ 60. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 548. В списке и на обложке, в которой находится копия вместе с другой аналогичной песней, поставлен № CLXVI. Вар.: *НС* № 348; И с т о м и н — Л я п у н о в, стр. 122.

№ 61. ГИМ, ф. 56; ЛБ, ф. 125, п. 27, лл. 263—264. Между первой и второй копиями есть разночтения. В «Зеленой тетради» (п. 27) запись Пушкина вошла в сводный текст, состоящий из шести вар. После выделения ее из сводного текста у Трубецкого ст. 2 читается так: «Сдобничала и пирог пекла». До сих пор публиковалась в числе «необрядовых», но поскольку Киреевскому она была известна как свадебная и поэтому переписана в «Зеленую тетрадь», мы помещаем ее среди свадебных. В народной традиции известна и как свадебная (Elsa M a h l e r, № 20), и как хороводная (*НС* № 2868, 2877).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

<План статьи о русских песнях>

ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 168, л. 2—2 об. План набросан на четвертке согнутой пополам писчей бумаги среди перечня произведений и черновых строф «Путешествия Онегина». Н. К. Козмин, подготовивший первую публикацию, не смог полностью разобрать его, озаглавив «План статьи о русской литературе, с очерком французской» («Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук». Пб., 1922, стр. 183). Рукопись была прочтена Ю. Г. Оксманом, назвавшим так «План издания русских исторических песен и статьи о них» и датировавшим 1831—1832 гг. (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в шести томах. Прилож. к журналу «Красная нива», т. V. М.—Л., 1931, стр. 357—358). Расшифровка всей рукописи как плана статьи о русских песнях, предназначенной для сборника песен Киреевского, впервые дана в *РП* (транскрипция Л. Б. Модзалевского), стр. 437. Цявловский, написав комментарии к ней, датировал ее 1833 г. Обзор литературы и анализ плана — см. в статье В. К. Архангельской «План статьи Пушкина о русских песнях» («Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 3—20). Мы отказались от реконструкции третьей строки плана, которая читается или как «Оригинальность отрица<ельных сравнений>» (П у ш к и н, т. XII, стр. 208; предложена М. К. Азадовским — см. М. А з а д о в с к и й. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 37), или как «оригинальность отрица<ния>», «оригинальность отрица<ет-ся>» — чтение, принятое во всех предшествующих публикациях, исключая *РП*, где эта строка осталась до конца непрочтенной. В четвертой строке снизу, перед именем Сумарокова, нами прочтена буква с («с Сумарокова»), что позволяет уточнить этот пункт плана.